

A close-up portrait of Mike Tyson, shirtless, with a red boxing glove on his right hand. He has a serious, intense expression, looking directly at the camera. His skin is glistening with sweat, and his hair is short and dark. The background is a plain, light-colored wall.

NEW YORK TIMES BESTSELLER

МАЙК ТАЙСОН

ЖЕЛЕЗНЫЕ АМБИЦИИ
МОИ ПОБЕДЫ С КАСОМ Д'АМАТО

Ларри Сломан
Майк Тайсон
Железные амбиции. Мои
победы с Касом Д'Амато
Серия «Автобиография-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67590270
Железные амбиции. Мои победы с Касом Д'Амато:
ISBN 978-5-04-168105-0

Аннотация

NEW YORK TIMES BESTSELLER.

Откровенная история о том, как родился «великий и ужасный» Майк Тайсон.

В своей автобиографии Майк Тайсон рассказывает о том, что предшествовало событиям, изложенным в бестселлере «Беспощадная истина». О том, как легендарный тренер Кас Д'Амато стал его наставником, научил разумно пользоваться взрывным темпераментом и брутальной силой и выковал всем известного Железного Майка.

Когда Кас Д'Амато впервые увидел спарринг 13-летнего Тайсона, он сказал: «Это – будущий великий чемпион!» Кас недолго тренировал Майка, но уже через год после его смерти Тайсон стал самым молодым чемпионом мира в супертяжелом

весе. Майк искренне рассказывает о роли, которую Д'Амато сыграл в его жизни, опекая как отец и сформировав его как физически, так и морально. Он описывает жизненные уроки, которые преподавал ему Д'Амато, и размышляет о том, как мудрые слова тренера повлияли на него за пределами ринга. Майк также делится уникальными спортивными историями, в том числе рассказывает о мужественной борьбе Каса с мафией, контролировавшей американский бокс.

«Это руководство от Д'Амато по созданию чемпиона с нуля». — WALL STREET JOURNAL

«Рассказ Майка Тайсона о его ошеломительных схватках на ринге и за его пределами захватывает и доставляет удовольствие от чтения...» — THE GUARDIAN

«В этом эмоциональном сплаве воспоминаний и биографии бывший чемпион-тяжеловес Майк Тайсон рассказывает о самом необычном персонаже в истории бокса... Любовь Тайсона к Касу Д'Амато более чем очевидна, что, однако, не мешает ему подмечать многочисленные промахи своего учителя». — PUBLISHERS WEEKLY

«Чемпион по боксу, знаменитый своим свирепым нравом и вспыльчивостью, открывается с неожиданной стороны, делясь искренними воспоминаниями о бывшем наставнике и тренере... Запоздалая, но долгожданная дань уважения легенде бокса, чья смерть произошла незадолго до взлета профессиональной карьеры Тайсона. Рекомендация для всех поклонников бокса». — KIRKUS REVIEWS

«Кас Д'Амато – величайший учитель, деятельность которого сравнима с искусством ювелира, сумевшим из Майка Тайсона, как из необработанного драгоценного алмаза, создать самый

дорогой бриллиант мирового бокса». – ВЛАДИМИР ХРЮНОВ,
самая влиятельная персона профессионального бокса России

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Майк Тайсон,
Ларри Сломан
Железные амбиции. Мои
победы с Касом Д'Амато**

Mike Tyson, Larry Sloman

IRON AMBITION: MY LIFE WITH CUS D'AMATO

Copyright © 2017 by Mike Tyson and Larry Sloman

First published in Great Britain in 2017 by Sphere, an imprint
of Little, Brown Book Group.

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2022

Предисловие

Отель Ritz-Carlton в нью-йоркском Бэттери-Парк-Сити. Я смотрю из окна своего номера. В соседней комнате моя жена Кики приглядывает за детьми. Милан занимается проектом по прикладному искусству, а Рокко, как обычно, просто бесится. Я приехал сюда из Лас-Вегаса, чтобы торжественно предстать перед зрителями спортивного комплекса Barclay Center. Деонтей Уайлдер будет защищать свой титул по версии Всемирного боксерского совета в супертяжелом весе. Он встретится в поединке с Артуром Шпилькой. Какой еще Уайлдер? Какой, к чертям собачьим, Шпилька? Раньше говорили, что супертяжелый вес – главное в боксе. Похоже, те дни давно прошли.

Смотрю на Уолл-стрит и вспоминаю детство, прошедшее в бруклинском районе Браунсвилл. Каждый раз, когда рассказываю жене о тех временах, она заявляет, что мне всего лишь хочется потешить самолюбие. Говорю ей: «Детка, я просто не могу поверить, что в моей жизни было это дерьмо». И показываю на улицы, где девятилетним пацаном припирали прохожих к стенам и срывал с них цепочки.

Если постараться, отсюда можно увидеть дома 42-й улицы. Это была наша вотчина. Я тусовался там в залах игровых автоматов или пробирался в клуб Bond International, чтобы обчистить карманы любителей музыки. Каждый ве-

чер на 42-й можно было как следует оттянуться. Сегодня на Таймс-сквер все иначе. Теперь там диснеевские персонажи, которые предлагают туристам сфотографироваться, и неизменный Голый ковбой¹, бренчащий на гитаре для зевак. Все увлеченно делают селфи с кем попало. Воображаю, если бы кто-то попытался предложить подобное парням, с которыми я тусовался на Таймс-сквер: «Эй, мужик, давай щелкнемся на память!» – «Это с тобой, что ли, гребаный ниггер?» В 1970-е любая попытка заснять незнакомца была непрости-тельной ошибкой! Ты не мог позволить себе даже панибратски – «Эй, привет!» – поздороваться с тем, кого не знал. Тебя бы отметилили, не отходя от кассы, и оставили подыхать на улице, пребывая в уверенности, что ты – гомик и минуту назад пытался закадрить нормального парня.

В те годы моя жизнь походила на бег по замкнутому кругу. Я воровал, покупал разные вещички, а затем ребята постарше грабили меня – отбирали у меня обувь, одежду, украшения. Как было одолеть этих уродов? Везде царили насилие и страх. Однако мне удалось выжить несмотря ни на что. «Эй, чувак, это же Майк», – говорил один из моих крутых корешей, и вымогатели отпускали меня. А коли мне всякий раз удавалось выкарабкаться, я стал считать, что у меня особая судьба. Я знал, что не сдохну в сточной канаве и произойдет

¹ Голый ковбой – характерный уличный исполнитель на Таймс-сквер (настоящее имя Роберт Джон Берк). Фирменный образ артиста – ковбойская шляпа, сапоги и нижнее белье. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

нечто особенное, благодаря чему люди начнут уважать меня. Я был закомплексованным оборванцем – и жаждал славы, хотел стать знаменитостью, мечтал, чтобы весь мир восхищался мной. Да, об этом помышлял такой жирный вонючий сопляк, как я.

Забавно, но в то время в профессиональном бейсбольном клубе St. Louis Cardinals на позиции инфилдера² играл мой полный тезка, Майк Тайсон. Этот белый малый был вполне сносным игроком, хотя и не хватал звезд с неба. Еще и поэтому, веря в собственную исключительность, я не сомневался, что обязательно добьюсь успеха.

А затем жизнь свела меня с другим белым парнем, немолодым итальянцем, который тоже считал меня особенным. Его звали Кас Д'Амато, и он укрепил меня в мысли об уготованной мне известности.

Если бы не он, не сидеть мне сейчас и не смотреть из окна этого шикарного отеля. Пришлось бы влачить существование в какой-нибудь захудалой квартирке в Браунсвилле или давиться куриными крылышками в забегаловке на окраине города, а не заказывать в номер курицу «кордон-блю»³. Не исключено, что я бы уже просто сдох.

В детстве мне было страшно возвращаться на 42-ю улицу.

² Инфилдер – в бейсболе игрок защиты, занимающий позицию во внутреннем игровом поле.

³ «Кордон-блю» – панированный в сухарях шницель, фаршированный сыром и ветчиной.

Какой-нибудь ублюдок мог узнать меня и попытаться поймать, чтобы избить до полусмерти из-за фотоаппарата, украденного из его магазина электроники. Теперь я не могу показаться на 42-й потому, что кто-нибудь, признав меня, может залюбить до полусмерти. Это ли не безумие? На полном серьезе, порой хочется отделать излишне любвеобильных. Стоит очутиться на своей улице, как возникает столько желающих дать мне пять, что я вынужден спасаться бегством и укрываться в машине.

И так происходит не только в местах боевой славы. Практически нигде мне не удастся спокойно прогуляться. Ну не абсурд ли это? Прилетаю в Дубай, и мы с женой не можем пройти по ювелирным магазинам. Выхожу из отеля – и на меня набрасывается целая толпа.

А виноват во всем Кас. Нет, я вовсе не хнычу. Напротив, я крайне признателен ему за то, что моя жизнь сложилась именно так. И все же ума не приложу, как это случилось. Этому менеджеру и тренеру по боксу, жившему уединенно в северной части штата Нью-Йорк, хватило десяти минут, чтобы, понаблюдав за мной тринадцатилетним во время спарринг-боя, предсказать, что я стану самым молодым чемпионом в супертяжелом весе. Как он смог понять это? И почему его выбор пал на меня?

Эта книга о наших с ним отношениях. Кас Д'Амато был одной из самых уникальных личностей на планете. Он причастен к судьбам огромного количества людей, которые с его

помощью стали лучшей версией себя. Этот человек делал слабаков сильными. Он взял толстого, испуганного тринадцатилетнего подростка и превратил его в парня, которому известность не дает спокойно выйти на улицу.

Глава 1

Мою жизнь спасли голуби. В детстве я был таким толстым Пойндекстером⁴, у которого отбирали мелочь, выбивали из рук сэндвич, разбивали очки и запихивали их в бензобак грузовика, припаркованного возле школы. Идеательства продолжались изо дня в день, но однажды меня затащили на крышу соседнего дома и велели прибрать в голубятне. Своих птиц там держали крутые парни. Сначала я не мог понять, что за смысл в этих птахх, которые выглядели такими маленькими, такими невзрачными. С чего бы серьезным ребятам интересоваться ими? Но по улыбкам на их лицах можно было понять – на свете нет ничего важнее.

Я стал чистить голубятни каждый день, и это помогло мне избавиться от обидчиков. Увидев меня в крутой компании, они поняли, что со мной лучше не связываться. Не стоило иметь дело с парнями, которые держали голубятни. Они славились тем, что запросто могли столкнуть с крыши любого, кто трогал их птиц.

Будучи шестеркой у этих любителей пернатых, я окунулся в мир мелких преступлений. Мне не довелось тусоваться со сверстниками. Моими учителями стали старшие друзья, такие как Баг и Барким. Задумав ограбить какой-нибудь

⁴ Пойндекстер – персонаж американского мультсериала «Кот Феликс», неуклюжий очкарик, верный помощник главного героя.

дом, они пользовались моим преимуществом — маленьким ростом. Мне помогали залезть в окно, чтобы я мог изнутри отпереть дверь. Порой мы подбирали ключи к гостиничным номерам в соседнем квартале, где временно проживали погорельцы, и просто обчищали их. Однажды мы были на деле вместе с Багом, и он пошутил, что ему светит исправительная тюрьма, а мне всего лишь колония для малолеток, где я буду наслаждаться печеньем с молоком. Словно прилежный студент, я перенимал все эти уличные манеры от бывалых парней.

Мне хотелось быть крутым. Все в Браунсвилле боготворили Аль Капоне. Он был из нашего района, и мы без труда представляли себе, что нас ожидает в будущем. С возрастом я немного окреп, но продолжал воспринимать себя четырехглазым малявкой, над которым постоянно глумятся. Я никогда не думал, что увлекусь боксом, но какое-то время мы общались с парнем по имени Уайз, боксером-любителем. Покурив травку и словив кайф, мы устраивали бои с тенью. Уайз при этом всегда отрабатывал скольжение Али⁵. Мой первый боксерский поединок произошел случайно. К тому времени я истратил часть украденных денег, чтобы купить собственных голубей, которых держал в заброшенном здании недалеко от собственного дома. Парень по имени Гэ-

⁵ Скольжение Али — прием в боксе, который заключается в быстрой работе ног не сходя с места, что позволяет сбить с толку, отвлечь или деморализовать противника.

ри Флауэрс стащил одного из голубей, а когда я потребовал вернуть украденное, он достал птицу из-под полы пальто, свернул ей шею и швырнул окровавленный трупик в меня. Я был в ярости, но не решался броситься в драку, пока один из моих приятелей не заявил: «Майк, ты должен побить его!» Тогда я нанес удар правой – и противник упал. Я был ошеломлен и не знал, что делать дальше. Затем до меня дошло, как круто выглядел Уайз, делая скольжение Али, поэтому я стал повторять это движение, и все принялись аплодировать. Так я впервые познал вкус славы.

В моем районе часто дрались. Если ты был хорошим бойцом, тебя уважали и никто не пытался тебя ограбить. Поэтому я начал зарабатывать репутацию в уличных поединках. Особенно у меня получались запрещенные удары. Если во время боя кто-то оступался и падал, я добивал его уже на земле. Выигрывать удавалось не всегда. Зачастую мне серьезно доставалось, так как приходилось биться с теми, кто был гораздо старше. Мне стукнуло одиннадцать или двенадцать, а стычки порой происходили с парнями за тридцать. Когда я выигрывал у них в кости, они не желали отдавать деньги такой мелюзге, как я. А если с тобой не рассчитались один раз, то после этого перестанут платить вообще. Поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как лезть в драку. Эти ребята могли быть вооружены, но меня подобные мелочи не волновали. Они знали, что я не слонтяй, и им приходилось либо сражаться, либо доставать пушку и палить в

меня.

В юности я думал, что никогда не расстанусь со своими друзьями. Поначалу нам удавалось избегать тюрьмы. Но время шло, и ребята начали пропадать. Я не знал никого, кто женился, бросил заниматься грабежами и начал праведную жизнь. Казалось, наши темные делишки так и будут вершиться, пока кто-нибудь не прикончит нас – или пока мы сами не докатимся до убийства. Иногда, отправившись на дело, кто-то из парней погибал в результате поножовщины или стрельбы. Думаете, все мчались сообщить его матери о случившемся? Нет, мы не останавливались, пока не находили, чем бы еще поживиться, и возвращались домой, только оттянувшись по полной. Наша компания походила на стаю гребаных акул, и наша жизнь заключалась в постоянном преступном движении.

Матери все больше надоедала моя жизнь малолетнего преступника, поскольку я все чаще попадал в Спофффорд. Официально это место называлось Исправительный центр для несовершеннолетних «Бриджес». Кишащая крысами чертова дыра на Спофффорд-авеню в Хантс-Пойнт – районе Бронкса. Угодив туда, ты будто попадал на встречу выпускников или в бар Cheers⁶, где все тебя отлично знают. И хотя там не было кондиционера, по крайней мере тебе полагались трехразовое питание и койка. А еще печенье с молоком.

⁶ Бар Cheers – место встречи персонажей популярного в 1982–1993 годах американского сериала с одноименным названием.

Однажды, когда я в очередной раз оказался в Споффорде – мне едва исполнилось двенадцать, – нам показали фильм 1977 года «Величайший», где Мухаммед Али играл самого себя. В то время мне нравился стиль Али, но я не относил себя к числу фанатов бокса. Гораздо интересней было наблюдать за рестлерами⁷ – Бруно Самmartино или Киллером Ковальски. Единственный раз мне довелось увидеть бой Али, когда он дрался с Леоном Спинксом⁸ в матче-реванше. Мы с приятелем болтались в Браунсвилле, когда увидели парня, заходившего в угловой магазин. Нам шепнули, что у мужика видели продовольственные талоны и деньги, поэтому мы последовали за ним. Какое-то время я ошивался позади жертвы, а затем взял чипсы и встал впереди. Все взгляды были прикованы к телевизору – транслировали тот самый бой Али. Улучив момент, я уронил пакет и наклонился, чтобы поднять его. Парень был вынужден притормозить, и мой друг, который шел следом, быстро обшарил его карманы. Сделано! Выпрямившись, я мог понаблюдать, как классно Али дрался со Спинксом. Мне нравился Али, но сам по себе боксерский поединок меня совершенно не интересовал.

Однако смотреть байопик в кинозале Споффорда, заполненном сотнями подростков, было здорово. А когда зажег-

⁷ Рестлер – участник театрализованного спортивного шоу (рестлинга), сочетающего борьбу и работу на публику.

⁸ Леон Спинкс (1953–2021) – американский боксер-профессионал, который в 1978 году стал абсолютным чемпионом, победив Мухаммеда Али. В сентябре того же года состоялся бой-реванш, и Али вернул себе титул. – *Прим. ред.*

ся свет, внезапно на сцене появился сам Али. Зал буквально взорвался аплодисментами. Мне доводилось быть свидетелем того, как рукоплещут тысячи зрителей на спортивных аренах, но это ничто по сравнению с овациями в честь Али. Вау! Он рассказал, как ему пришлось побывать в тюрьме, где он едва не сошел с ума. Его замечательное выступление воодушевило всех нас. Что же касается меня, то оно изменило мою жизнь. Речь не о том, что после этого я решил стать боксером. Просто я понял, что должен прославиться. Мне зверски захотелось, чтобы при моем появлении все кланялись и начинали сходить с ума. Но я еще не знал, через что мне придется пройти, чтобы добиться всей этой чертовщины.

Вскоре я вновь попал в Споффорд – на этот раз за кражу со взломом. Мне дали 18 месяцев, и я отсидел там почти полгода. Споффорд – это центр временного содержания, поэтому меня собирались перевести в колонию для несовершеннолетних. Надо было поторопиться, чтобы добыть немного денег перед отъездом. Единственный способ – рискнуть и грабануть кого-нибудь, чтобы продать товар, добравшись до места назначения. Если появиться без гроша, подумают, что ты слабак. Так что выход один: стащить у кого-нибудь кеды или исподнее и затем толкнуть товар.

Я решил объединиться с парнем по прозвищу Убийца, который в то время сидел там же. Ребята из Браунсвилла всегда держались вместе. Даже если кто-то был из другого района, вы держались вместе, если ты знал его по улице. Мне шеп-

нули, что в соседней общаге сидит ниггер из Бронкса, у которого есть золото. Оно-то мне и было нужно. Я умел обчищать карманы. Все знали Майка Грабителя из Браунсвилла. Решив заполучить золотую цепочку этого братка, мы дождались момента, когда оказались рядом в спортзале. Большинство из этих ребят никогда не снимали золото. Убийца, заметив нашего ниггера, указал мне на него: «Майк, действуй!» Однако парень оказался крут, и когда я приблизился, он ударил меня прямо в лицо. Бац! Такого я не ожидал, и тогда мой напарник просто прыгнул на него – бац, бац, бац! Мы смогли надрать задницу этому малому и забрали все, что хотели.

В Споффорде у меня постоянно были неприятности. Незадолго до перевода наша общага дралась с соседней, и меня заловили с ножом. Отвечавший за нас старший надзиратель, ознакомившись с отчетом предыдущей смены, велел мне встать и приготовиться к наказанию. За то, что я был застукан с оружием, мне полагалось десять ударов по голове обломком кия.

– Стой здесь, опусти голову и прими это как мужчина!

Бац! Бац! Бац!.. Эти охранники были просто звери. Они отдубасили меня как собаку.

Через несколько дней после взбучки появился мой наставник и сказал, что на последний год отсидки меня отправляют в другое место. Куда именно тебя переводят, не говорят, и ты не можешь сообщить корешам о своем новом местонахождении. На следующее утро двое охранников надели на меня

наручники, посадили на заднее сиденье машины и отвезли на север штата Нью-Йорк, в Джонстаун. Я попал в исправительную школу Трайона, о которой никогда раньше не слышал. Мне пришло в голову, что, раз я здесь никого не знаю, придется кого-нибудь пырнуть. Без этого было не обойтись.

Между Трайоном и Споффордом было несколько световых лет. Новое заведение располагалось в лесу, в часе езды к северо-западу от Олбани. Воспитаники жили в отдельных коттеджах. Школа была оборудована крытым бассейном и вполне приличным тренажерным залом. Кроме того, предлагались разные исправительные программы для малолетних преступников, в том числе занятия по разведению фазанов. Поскольку я не считался правонарушителем, склонным к насилию, вначале меня разместили в коттедже Брайарвуда. Это был коттедж открытого типа, где у меня была своя комната без замка на двери. В Брайарвуд определяли примерных детишек – тех, кто попался на незначительных проступках. Где-то три четверти населения в Трайоне составляли чернокожие, остальные были латиносами и белыми из числа бедняков.

Брайарвуд был явно не для меня. Я немедленно начал действовать: нападать на других подростков, на охранников, на всех, кто попадался под руку. Там было несколько парней, которые знали меня по Бруклину и Споффорду, так что моя репутация стала расти. «Майк Тайсон – это настоящий крэйзи, больной ублюдок, псих, который запросто может по-

дойти и ударить тебя по лицу или же плеснуть в тебя кипятком». Последней каплей стала история, когда в коридоре перед уроком какой-то пацан попытался сорвать с меня шапочку, но я увернулся. Мне пришлось ждать сорок пять минут до окончания занятия. Все это время я думал лишь о том, что бы такое сделать с этим придурком. Я был настолько зол, что не мог ни на чем сосредоточиться. Когда урок закончился, я нашел обидчика и надрал ему задницу.

Моя свобода на этом закончилась. Пришли два охранника и препроводили меня в Элмвуд: коттедж закрытого типа. Это место было предназначено для прочистки мозгов. Тех, кто не поддавался перевоспитанию, надзиратели-амбалы могли отыметь по полной. Сюда отправляли закоренелых хулиганов. Для меня же попасть в Элмвуд было делом чести.

Как только мы добрались до Элмвуда, меня раздели и заперли в комнате, где не было даже матраса. За мной следили, словно я собирался совершить самоубийство. Каждые полчаса кто-нибудь из персонала наведывался с проверкой. Я сидел взаперти, но в двери было крошечное окошко, и как-то до меня донесся разговор обитателей спецшколы, проходивших мимо. «Эй, что там такое?» – крикнул я. Один из парней ответил, что они только что закончили спарринг с мистером Стюартом, охранником Трайона. Мне уже доводилось слышать о Бобби Стюарте. Он давал уроки бокса, и все, кто с ним занимался, выглядели довольными. Во время спарринг-боев он так ловко уклонялся, что его подопечные

мазали и падали, и все просто лопались от смеха. Я загорелся идеей попасть в эту программу.

Каждый раз, когда меня приходили провести, я буквально умолял позволить мне встретиться с мистером Стюартом. И вот однажды один из охранников позвонил ему: «Он совершенно спокоен и уравновешен. Он уже поел и попросил прибраться в его комнате. Он утверждает, что хочет лишь поговорить с вами». Стюарт дождался, пока все отправятся по койкам, поскольку не хотел, чтобы были свидетели, если я начну скандалить, и пришел ко мне.

Распахнув дверь, он гаркнул:

– Что тебе надо от меня?

Меня до сих пор бросает в дрожь, стоит мне вспомнить ту сцену.

– Хочу стать боксером, – ответил я.

– Все остальные парни здесь мечтают о том же, – рявкнул он. – Но если бы они были боксерами, их бы здесь и в помине не было. Они спокойно гуляли бы по улице, ходили в школу, устраивались на работу. А здесь мы имеем дело с лузерами.

– Все, чего я хочу, – это заниматься боксом. Я буду делать то, что вы скажете.

Мистер Стюарт какое-то время еще покричал на меня, а затем сменил тон:

– Ладно, посмотрим на твое поведение. Поглядим, как ты будешь вести себя на уроках. Продержишься ли ты месяц. Если все будет нормально, без конфликтов, тогда решим, как

с тобой быть.

Позже Стюарт признался мне, что, хотя он и проработал в спецшколе десять лет, ему еще никогда не доводилось встречать такого неуверенного в себе парня, как я. По его словам, он порой знал, что я втихаря стащил бумажник, но не мог вспомнить случая, чтобы я с кем-нибудь всерьез враждовал. Когда он в тот раз ворвался в комнату, я даже не смел поднять на него глаз. Несмотря на всю мою уличную браваду, я действительно был очень застенчив. Как уже упоминалось, у меня были старшие наставники, и я на самом деле был всего-навсего учеником, но не лидером. Все, что мне тогда было известно, – это как обманывать, воровать, грабить и лгать.

Чтобы быть в курсе моего поведения, Стюарт после нашей встречи стал проверять ежедневные журналы персонала. Он видел – я не только делал все, что полагалось, но и выражал готовность выполнять дополнительные поручения. При этом я просил персонал записывать мои предложения по оказанию помощи, чтобы Стюарт понимал, насколько изменилось мое отношение к окружающим. За шесть дней я выбился в лучшие ученики класса. Собственно говоря, учитывая, что моя семья с Юга, меня, вообще-то, учили хорошим манерам и вежливости: «Да, мэм. Нет, сэр».

Когда мистер Стюарт стал знакомиться с моим досье, ему бросилась в глаза запись о том, что я нахожусь «на грани умственной отсталости». Он поинтересовался у штатного психолога:

– Что это означает?

– То самое и означает: он умственно отсталый, – ответила она.

– И как это определяется?

– Ну, на основе различных тестов.

– Тестов?! Да он же не умеет нормально читать и писать! Как можно определить, что он умственно отсталый? Я уже давно общаюсь с ним и уверен, что это вполне сообразительный парень. Он просто неграмотный. Вот я, к примеру, не умею первоклассно читать и писать, но это не означает, что я идиот!

Психолог принялась что-то мямлить, несла всякую пургу, и Стюарт, потеряв самообладание, заявил, что она сама умственно отсталая. За это на него настрочили рапорт. Я в восторге от Бобби. Он один из тех ирландских парней, которые без всяких там заморочек говорят, что думают.

Я продолжал вести себя примерно, получал хорошие отзывы от персонала, и мистер Стюарт, похоже, был доволен моим примерным поведением. А еще он был сильно впечатлен, когда однажды пришел в тренажерный зал и увидел, что я собираюсь качаться на силовом станке для жима лежа.

– Что ты делаешь? – поинтересовался он. – Здесь выставлено 250 фунтов⁹.

– Парни поспорили, что я не справлюсь, – ответил я.

⁹ Соответствует примерно 113 кг.

– Не дури! Сними этот вес и начни со 135 фунтов¹⁰, – посоветовал он.

Он отвернулся, а когда вновь посмотрел в мою сторону, я уже успел десять раз выжать 250 фунтов, причем без всякой разминки. Я тогда был чертовски силен. Подозреваю, что про этот случай стало известно начальству школы, потому что, когда Стюарт, наконец, решил организовать спарринг со мной, его босс забеспокоился:

– Господи Иисусе, да, я знаю, что ты в хорошей форме, однако этот парень сильнее нас всех, вместе взятых. Будь осторожен. Нельзя допустить, чтобы воспитанники избивали персонал.

В день нашей первой тренировки я был крайне возбужден. Другие парни знали о моей репутации уличного бойца, заработанной в Бруклине, поэтому они были в полном восторге. Когда начался бой, мне казалось, что все идет хорошо, так как он больше прикрывался, а я пропустил лишь несколько ударов. Внезапно этот мерзавец, выйдя из клинча, ударил меня в живот, и я упал. Никогда прежде я не испытывал такой боли. Мне казалось, что из моего желудка извергнется все, что было съедено за последние два года. Я поднялся, но не мог дышать.

– Выдохни! – рявкнул Стюарт. – Выдохни и начни дышать нормально!

Я восстановил дыхание, и мы продолжили боксировать.

¹⁰ Соответствует примерно 61 кг.

Когда бой закончился, я спросил, может ли он научить меня этому удару в живот. Это был бы идеальный вариант для нападения с целью грабежа.

Несмотря на то что он так грубо обошелся со мной, я не сдался, не уклонился от спарринга. Парни из моей общаги, куча персонала – все вышли понаблюдать, как мы боксируем. Я был просто счастлив, что обратил на себя внимание. Тогда это было моей мечтой, чтобы все смотрели и восхищались мной. И когда это, наконец, произошло, я пришел в неистовство. У меня просто снесло крышу.

Убедившись в том, что я не отказался от своего замысла, хотя он и надрал мне задницу, Стюарт приступил к тренировкам со мной. Мы ждали, пока остальные в девять вечера уложатся спать, шли в пустую комнату и работали с половины десятого до одиннадцати, когда для меня тоже наступало время отправляться на боковую. Стюарт наносил удары, а я уклонялся, затем мы менялись ролями. Меня все больше увлекал процесс. Раньше меня не интересовало ничто, кроме грабежей, но Бобби дал мне возможность направить энергию в другое русло. Я смог превратить желание грабить в стремление боксировать. После тренировки я шел в свою комнату и в полной темноте до трех часов ночи отрабатывал те приемы, которые он мне только что показал. Стюарта поражало мое усердие. Он был убежден, что наши совместные занятия помогут мне в жизни и за пределами ринга.

Я был настолько воодушевлен, что однажды, когда мне

разрешили позвонить матери, позвал Стюарта к телефону. Он рассказал ей про мои успехи и пообещал, что я смогу многого добиться, если продолжу так же прилежно работать. Она только рассмеялась в ответ и поблагодарила его. Я никогда не давал ей повода возлагать на меня надежды.

Мистер Стюарт был в восторге от моих успехов, однако начал проявлять беспокойство относительно того, что меня ждет после освобождения. Он понимал: стоит мне вернуться в Бруклин, и все наши труды могут пойти насмарку, поскольку я рискую вернуться в уголовную среду. Вначале он подумывал о том, чтобы подобрать для меня какой-нибудь спортзал, где я продолжил бы тренировки, но затем ему в голову пришла другая идея.

Однажды после очередного спарринга он усадил меня перед собой и заявил:

– Послушай, парень, моя жена очень переживает. Ей не нравится, что я возвращаюсь домой с подбитым носом и фингалами. Мы больше не будем боксировать, но я отвезу тебя туда, где ты сможешь подняться на новый уровень. Ты ведь хочешь этого? Мне совсем не улыбается, чтобы после выхода отсюда ты погиб или опять отправился за решетку.

– Нет! – запротестовал я. – Я не уйду от вас. Хочу остаться здесь и продолжать тренировки!

– А я хочу, чтобы ты начал работать с Касом Д’Амато, знаменитым тренером. Это он сделал Флойда Паттерсона¹¹ чем-

¹¹ Флойд Паттерсон (1935–2006) – американский боксер-профессионал, олим-

пионом мира в супертяжелом весе. Это благодаря ему Хосе Торрес¹² стал чемпионом мира в полутяжелом весе. Он соглашается работать с парнями, если они хорошо себя ведут и усердно трудятся. Может быть, он позволит тебе остаться у него.

Прежде чем обратиться к Касу, Бобби показал мне несколько движений, которые должны были произвести впечатление на опытного тренера. Одним из них был шаг вбок по диагонали, который позволял нанести молниеносный удар при выходе из угла. Я как следует отработал этот прием и научился эффективно пользоваться им. Затем Стюарт позвонил Касу, сказал, что у него есть парень с большим потенциалом, и поинтересовался, не желает ли он на меня посмотреть.

– Конечно! – ответил Кас. – Если ты считаешь, что он чего-то стоит, то приводи его прямо завтра.

На следующий день по пути к знаменитому тренеру Стюарт пытался предостеречь меня от чрезмерных надежд:

– С первого раза ты можешь не особенно понравиться Касу, всякое бывает. Он может сказать, чтобы мы заглянули еще раз через некоторое время. В таком случае мы продолжим работать еще усерднее и придем к нему повторно. И будем навещать снова и снова, пока он не увидит, что мы

пийский чемпион 1952 года.

¹² Хосе Луис Торрес (1936–2009) – боксер из Пуэрто-Рико, серебряный призер летних Олимпийских игр 1956 года.

подходим ему.

Спортзал Каса находился над полицейским участком в Кэтскилле¹³. Помещение выглядело достаточно обшарпанным и пропахло мускусом. Посередине располагался ринг. Стены были увешаны пожелтевшими от времени газетными вырезками. В зале тренировались несколько белых парней, самым молодым из которых был Тедди Атлас, помощник Каса. Меня представили Касу, и я мгновенно понял, что он полностью контролирует все происходящее здесь. От него не ускользало малейшее движение в зале. Кас пожал мне руку. На его лице не было и следа улыбки. Никаких эмоций.

Тедди Атлас оценивающе взглянул на меня и произнес: «У нас некого выставить против него». Стюарт ответил, что сам будет драться со мной, и мы вышли на ринг. Боксировать было легко. Я тренировался каждый день и находился в прекрасной форме. У меня все отлично получалось в первом раунде, я постоянно наступал на Стюарта, осыпая его градом ударов. Мне удалось даже продемонстрировать то хитрое движение, которое мы отработали накануне. Бросив взгляд на Каса, я увидел, что он впервые улыбнулся: «Ух ты! Вот это да! – воскликнул он. – Здорово!»

Во втором раунде я продолжал давить на Стюарта. Он, однако, смог пару раз удачно пробить, и у меня пошла носом кровь. Выглядело это паршиво, и Тедди Атлас запрыгнул на ринг, чтобы помочь мне, хотя я был в полном порядке.

¹³ Кэтскилл – городок в 190 км севернее Нью-Йорка.

– Ладно, Бобби, хватит, – сказал он. – Этого вполне достаточно.

– Нет, нет! – запротестовал я. – Мистер Стюарт учит, что нельзя просто так уходить с ринга. Раз уж мы начали, надо отработать все три раунда.

Бобби посмотрел на Каса, и тот сказал, что все выглядит как в кино. Лицо у старика покраснелось, он переглядывался со своими приятелями, которые были там, и все улыбались. Позже Бобби рассказывал, что Кас словно по волшебству преобразился:

– Его лицо сияло. Ты когда-нибудь видел парня, у которого от испуга волосы на голове встали дыбом? Кас лысый, но мне представилась именно такая картина. Его глаза расширились, он снова жил.

Кас позволил нам отработать третий раунд, и я вновь показал себя весьма неплохо. После боя Тедди снял с меня перчатки, а Кас начал помогать мистеру Стюарту.

Я видел, как они беседовали, но не мог разобрать ни слова. По выражению лица Каса я тоже ничего не мог понять. Оно было совершенно бесстрастным. Лишь позже мне стало известно, что Кас тогда спросит у Бобби: «Он захочет заниматься здесь?» Мой наставник прекрасно знал, что такая идея будет мне по душе, однако изобразил абсолютное спокойствие и ответил, что ему необходимо обсудить это со мной.

По пути к машине меня прямо распирало от нетерпения.

– Я могу вернуться сюда? Как я выглядел? Как он оценил меня? – засыпал я Бобби вопросами.

Тот пихнул меня в бок:

– Угадай-ка, что он сказал?

– Что мне не стоит возвращаться?

У меня тогда была крайне низкая самооценка. Я считал себя настоящим чмошником.

– Нет! Он сказал: «Бобби, если не считать некоторых второстепенных деталей, которыми можно пренебречь, это будущий чемпион мира в тяжелом весе. А возможно, и чемпион вселенной». Но это случится только при условии, что ты будешь продолжать работать так же, как сейчас.

Я оттолкнул его: «Да ладно!» А потом разрыдался.

– Говорю тебе, он именно так о тебе и думает, – подтвердил Бобби. – Ты не тупица и не лузер. Увидев тебя, он сразу понял, что ты собой представляешь. Понимаешь хоть, что это значит? Но все можно испоганить в один момент. Тебе надо пахать!

– Я готов, – сказал я сквозь слезы. – Готов пахать.

Глава 2

На обратном пути в Трайон я все больше преисполнялся уверенностью в том, что добьюсь успеха. Хотя я и выставлял себя в дурном свете, создавая имидж никчемного придурка, все мое естество считало, что я – сам Бог и мне будет сопутствовать удача. Каждый раз заявляя «Я просто кусок дерьма» или «Пора уже со мной покончить», я хотел сбить врага с толку. Все эти уничижительные оценки проговаривались не просто так, а исключительно с целью запутать противника. Этому я скоро научусь у Каса.

Когда я увидел Бобби на следующий день, он сказал:
– Теперь нам предстоит хорошенько поработать!

И я ответил, что готов. Мы тренировались ежедневно, а в воскресенье он звонил Касу и рапортовал ему о моих успехах. Через неделю мы отправились в Кэтскилл, чтобы встретиться с Касом. Тот общался со мной и объяснял Тедди, какие новые приемы стоит мне показать. Вернувшись в Трайон, мы с Бобби отрабатывали эти приемы. У нас были спарринг-бои трижды в неделю, в другие же дни наши тренировки заключались в том, что Бобби наносил удары, а я уклонялся от них, доводя до автоматизма то, что мне показывал Кас.

На уроках я тоже демонстрировал успехи. Бобби так определил свою позицию: «Мне безразлично, если ты завалишь

все предметы, но хотя бы просто старайся и веди себя на занятиях прилично». Через некоторое время он рассказал мне, что спустя несколько недель ему позвонил один из моих учителей, который был буквально сбит с толку: «Что, черт возьми, случилось с этим парнем? По чтению он перепрыгнул с уровня третьего класса сразу до седьмого! Он отлично работает!»

Как-то в одну из поездок в Кэтскилл Кас отвел нас с Бобби в сторонку:

– Послушайте, большинство парней боятся попасть во взрослую тюрьму, поэтому говорят, что они моложе, чем есть на самом деле. Майк слишком сильный, крупный и быстрый, у него чересчур хорошая координация для его официального возраста. На самом деле он старше, ведь так?

Бобби выглядел смущенным. А Кас спросил прямо:

– Майк, послушай, сколько тебе лет?

– Тринадцать! – ответил я. При этом я понимал, что вовсе не выглядел на свои годы. При росте 5 футов 6 дюймов я весил 196 фунтов¹⁴.

Когда мы приехали к Касу в следующий раз, Бобби принес с собой документы из штата Нью-Йорк, подтверждавшие, что мне действительно тринадцать. У Каса чуть не случился удар, когда он увидел их.

– Послушай, ты станешь чемпионом страны, олимпийским чемпионом. Все в твоих руках. Ты ведь хочешь этого? –

¹⁴ 179 см и 89 кг соответственно.

спросил он.

Я не знал, нужно ли мне все это. Было просто страшно. Но мне не нравилась мысль, что Кас может посчитать меня обыкновенной шпаной.

– Хочу, – ответил я.

– Тогда давай работать! – рявкнул он.

С этого дня Кас начал давать мне практические советы: «Понимаешь, зачем это делаешь?», «Что чувствуешь, когда отрабатываешь это движение?», «Не делай что-то только потому, что я тебе это велел».

Однажды он посмотрел на меня и спросил:

– Есть желание изменить свою жизнь?

Я утвердительно кивнул в ответ.

– Судя по тому, что я видел, если только будешь прислушиваться к моим советам, не отвлекаясь на разную ерунду и не позволяя другим морочить себе голову, ты станешь самым молодым чемпионом в тяжелом весе всех времен и народов.

Мне было всего-навсего тринадцать, а он считал меня непобедимым! Конечно же, я ответил, что мечтаю стать чемпионом мира, и ему это понравилось. Во время наших бесед в основном говорил Кас. Он расспрашивал меня о моих ощущениях, а потом объяснял, с чем именно они связаны. Кас хотел полностью понять меня. Мы обсуждали не только физические, но и психологические аспекты бокса: почему боксер теряет силу воли, почему что-то вдруг начинает казаться

более сложным, чем оно есть на самом деле? Я порой не понимал всего, о чем шла речь, но интуитивно чувствовал, что он хотел сказать. Кас знал, как общаться на понятном мне языке. Он и сам был парнем с улицы, который работал над собой, пока не стал личностью.

Через несколько месяцев тренировок с Касом меня ждало условно-досрочное освобождение. Однажды ко мне в комнату зашел Стюарт:

– Послушай, ты планируешь остаться с Касом? Тебе не стоит возвращаться в Бруклин. Там тебя либо убьют, либо отправят обратно в тюрьму.

Меня и самого не радовала мысль о возвращении домой. Я жаждал перемен. Мне нравилось то, как меня настраивали на позитивное отношение к жизни. Я начинал чувствовать себя частью общества. До выхода из Трайона мне полагались три свободных дня вне спецшколы. В свой первый выходной я поехал в Бруклин повидаться с мамой.

– Только помни: если попадешь в какую-нибудь передрагу, это будет конец всему, – предупредил меня Бобби.

Я переночевал дома, и все было в полном порядке. Можно было покурить травки и пойти на Таймс-сквер с моим корешем Эппом, однако я отказался от этих шикарных планов. Вместо этого я поговорил с мамой – она была пьяна – и потусовался с ее друзьями. Моего брата дома не оказалось, а сестра общалась с подружками. Таким образом, я почти не выходил на улицу. Но о моем желании стать боксером узна-

ли все.

Второй выходной вне Трайона я использовал для визита в Кэтскилл, где провел две ночи и три дня. Впервые увидев жилище Каса, я не мог поверить собственным глазам. Когда Бобби подрулил по длинной извилистой дорожке, передо мной предстал особняк, достойный Алмазного Джима Брэйди¹⁵. Подъездная аллея – дорога Торпса – носила имя прежнего владельца дома. Само здание представляло собой огромный белоснежный викторианский особняк, где было порядка четырнадцати спален. Я никогда не видел ничего подобного. Тропинка за домом вела прямо к Гудзону.

– Я останусь ЗДЕСЬ? – ошеломленно спросил я у Бобби. Он кивнул в ответ.

– Что мне придется делать, выносить мусор? – поинтересовался я. Способность к сарказму мне не изменила, несмотря на все потрясение от увиденного.

– Возможно. Все что-то делают по дому, – невозмутимо ответил Бобби.

Кас в тот момент отсутствовал, но я познакомился с Камиллой Эвальд, его подругой, которая официально являлась владелицей дома. Это была крепко сбитая, но достаточно миловидная украинка.

– Эй, садись, выпей со мной чаю, – предложила она. – Давай поболтаем.

¹⁵ Джеймс Бьюкенен Брэйди (1856–1917) – американский бизнесмен, финансист и филантроп «Позолоченного века».

В целом это был типичный женский треп. Откуда я родом? Где мне доводилось бывать раньше? Рад ли я, что оказался здесь? Через некоторое время она показала мне мою комнату, и я уселся на кровать, дожидаясь Каса. Когда он появился вместе с другими парнями, которые тоже там жили, мы перекусили, я сделал какие-то домашние дела и отправился со всеми в спортзал.

Все три дня я провел, тренируясь, листая журналы про бокс и пересматривая старые фильмы о боях с участием Каса. Откровенно говоря, особой разницы по сравнению с последними месяцами в тюрьме не было, потому что после знакомства с Касом, даже формально находясь под стражей, по сути я был на свободе. Понимаете, что я хочу сказать? Кас подливал масла в тот бушующий огонь, который пожирал меня. Когда я уезжал из Кэтскилла, возвращаясь в Трайон, он одолжил мне одну пухлую книгу. У него в гостиной я наткнулся на «Энциклопедию бокса» Ната Флейшера. Начав читать ее, я был просто ошеломлен. Я буквально влюбился во всех этих легендарных боксеров. В энциклопедии рассказывалось обо всех победах и достижениях бойцов, приводились их биографии и фотографии некоторых из них. Они смотрелись чертовски круто: мускулистые, всегда готовые к бою, способные разорвать своих противников в клочья! Это производило очень сильное впечатление, особенно если понимаешь, как много сил требуется вложить, чтобы так выглядеть. Когда боксеры направляются на ринг или взвешива-

ние, зрители восхищаются их рельефной мускулатурой, а не красотой смазливых девчонок, что толпятся вокруг. Вот почему я с некоторых пор взял на вооружение этот прием старой школы и ходил на взвешивание с голым торсом. Легендарные боксеры произвели на меня неизгладимое впечатление. Они были по-настоящему прекрасны! Кроме того, эти фотографии вдохновляли на усердную работу, поскольку я знал за собой склонность к лишнему весу. Мне хотелось накачать себе такие же кубики. На фотокадрах, зафиксировавших моменты, когда бойцы наносят свои удары, был отчетливо виден каждый мускул, каждая жилка. Я представлял себя на месте тех парней со страниц книги.

Кас увидел, как я листаю энциклопедию, и сказал:
– Тебе она понравилась? Возьми с собой.

Вот здорово! Я читал книгу с таким увлечением, словно это был журнал для мужчин *Penthouse*. К следующему приезду в Кэтскилл я знал наизусть всю энциклопедию и засыпал Каса вопросами о тех боксерах. Я произносил имя Фредди Уэлша – и Кас рассказывал мне о нем все. Стоило мне только упомянуть Армстронга, или Канцонери, или Рэя Робинсона, как Кас восклицал: «Ого! Это настоящий боец!» – и я отрешался от всего, заслушиваясь очередным рассказом. Мне нравилось беседовать с Касом о боксерах прежней эпохи. Хотелось как можно больше узнать об этих спортсменах, постичь их философию. Им приходилось упорно работать, но они часто и с успехом выступали, и все смотрели на них

как на кумиров. Эти парни казались мне бессмертными бо- жествами. А Кас был моим проводником по их жизни и спор- тивной карьере. Мне страстно хотелось понравиться ему. Я заранее предвкушал, как буду ходить для него по магазинам, наводить порядок в спортзале, носить сумки, быть его слу- гой. Я был готов стать рабом Каса, сделать все, что он прика- жет, почитая за счастье прислуживать этому человеку. Сна- чала я не пытался сблизиться с другими боксерами, прожи- вавшими в доме. Я гулял по территории, спускался к реке и просто глазел на нее. Такая сельская жизнь была для меня в новинку. Я участвовал в общих разговорах, интересовался происходящим в доме, ни с кем не конфликтовал. Но меня не оставляло странное ощущение, что мы говорим на разных языках.

Маме не очень-то нравилась перспектива моего переезда в Кэтскилл. Она согласилась только потому, что я был на- строен решительно. Однако было ясно – она не в восторге. Сестра поинтересовалась у меня: «Зачем ты едешь туда, к этим белым?» И я ответил: «Потому что собираюсь стать чемпионом мира». По мере того как приближался мой выход из спецшколы, предстояло оформить опеку Каса надо мной. Мама не хотела, чтобы я уехал на север штата, тем не менее все необходимые документы она подписала. Возмож- но, ее преследовала мысль о том, что она потерпела неудачу на родительском поприще.

Большую помощь мне оказала прекрасный социальный

работник Эрнестина Коулман. Это была дородная чернокожая дама из Хадсона – городка, который находился в нескольких милях от Кэтскилла. Она постаралась сделать все возможное, чтобы мой переезд прошел без проблем. Мне было проще иметь дело с ней, чем с Бобби Стюартом. Хотя ее никак нельзя было назвать тряпкой, она была сентиментальна и от души сочувствовала мне, а я знал, как играть на этом.

Думаю, Кас сразу же увидел мою низкую самооценку и понял, что ее причина в многолетних издевательствах и унижениях. Как только я приехал в Кэтскилл, он начал работать над тем, чтобы исправить ситуацию.

– Ты должен верить в себя! – твердил он мне в спортзале. – Повторяй это ежедневно. Взгляни в зеркало, посмотри, какой ты красавец, какие у тебя сильные руки!

Сначала я было решил, что он голубой. В том мире, где я вырос, взрослые парни говорили такое дерьмо только в том случае, если хотели отсосать у тебя. Когда кто-либо заявлял, что я красавец, в моей голове появлялись дурные мысли. Я не казался себе привлекательным. Если ты всю жизнь подвергаешься насилию, тебе не остается ничего другого, как считать себя уродом. Думая так о себе, я даже избегал смотреть на свое отражение. Но Кас каждый день уверял меня: «Послушай, ты симпатичный парень!» А когда я протестовал и кричал в ответ: «Уходите отсюда!», он через некоторое время возвращался и настаивал на своем. Кас повторял сно-

ва и снова: «Нет, ты все же взгляни на себя и признайся, что ты красавец. Подойди к зеркалу, перед которым ты отрабатываешь «бой с тенью», и скажи: «Какой я красивый парень! Как хорошо выгляжу!» С каждым днем ты будешь нравиться себе все больше, а скоро и вообще можешь превратиться в киноактера!»

При этом в его словах не было и намека на сантименты. Он был совершенно серьезен. Была лишь одна цель – сделать из меня чемпиона мира в тяжелом весе. Он не обращался со мной как с ребенком, но заставлял поверить, что я чего-то стою и у нас с ним есть общая миссия. И чем больше Кас говорил обо всем этом, тем меньше у меня оставалось сомнений в том, что это произойдет на самом деле.

Бобби Стюарт постоянно повторял, что я по своей природе склонен следовать за кем-то, и это была сущая правда. В Бруклине я шел за Баркимом в том, что касалось криминальной жизни. Этот парень жил в моем доме и учил меня грабить. Но мне приходилось постоянно быть начеку, потому что, находясь в дурном расположении духа, он мог наброситься на меня, если у меня в кармане оказывались наличные. Кас был совсем другим наставником. Барким не помышлял о целях. А Кас определил, что наша миссия – завоевать титул и в конце пути нас ожидает офигенный приз. И когда я выходил на ринг и дрался, мне приходилось биться до последнего. Ты не мог просто повернуться и уйти, ты должен был сражаться, пока не сдохнешь.

Кас пообещал, что больше никто и никогда не посмеет меня запугивать. Он рассказывал мне о легендарных боксерах, которых сильно избивали, но они смогли преодолеть себя и добиться успеха. Став старше, я понял, в чем заключалась психологическая подготовка Каса. Он делал слабых сильными. Стоит только слабаку почувствовать хоть немного силы, и он уже не может обойтись без нее. Кас не любил работать с благополучными детьми, его интересовали те, у кого была куча недостатков. Ему нравилось, когда к нему приходили тренироваться из самых низов, из бандитских кварталов. Он так обрадовался, когда я сказал, что родом из Браунсвилла:

– О черт, многие крутые бойцы оттуда! Эл Бумми Дэвис, Джонни Саксон, Флойд Паттерсон – все они выросли там.

Кас много беседовал с Бобби Стюартом и был наслышан о том, с чем мне пришлось столкнуться в детстве. Как-то у нас зашел разговор о кражах, которые я совершал, пользуясь давкой в толпе, и он отметил, что лучшие боксеры – это парни, которым пришлось больше других вытерпеть в жизни. Хосе Торрес рассказывал, что Кас убедился в моем призвании стать чемпионом, когда узнал, как я орудовал в автобусах. Дождавшись, пока пассажиров предупредят о карманниках, я проходил по салону и обчищал карманы. Он оценил мой врожденный интеллект и понял, что свои антисоциальные навыки я могу с успехом использовать на ринге.

Кас выслушивал мои истории об уличных приключениях, затем смотрел на меня холодно, безо всяких эмоций, и сталь-

ным тоном произносил: «Выражение «Это невозможно!» не для тебя». Моего наставника полностью захватила предстоящая задача – сделать меня богатым и знаменитым, добиться того, чего я не смел и вообразить.

– Слышишь меня, мальчик? Соображаешь, о чем я? Твое имя будет греметь на весь мир. О тебе узнают все. Твою семью, твою мать, твоих детей будут уважать. Ты понимаешь, что я тебе говорю? И ты добьешься этого, поверь мне.

Можете представить себе, что это обещания тринадцатилетнему ребенку?

* * *

Мы много беседовали о детстве Каса. Константино Д'Амато родился 17 января 1908 года. Его отец, Дамиано Д'Амато, покинул Италию и прибыл в Нью-Йорк в 1899 году. Через шесть недель к нему присоединились его жена Элизабетта и Рокко, старший брат Каса. Семья поселилась на Манхэттене, где Дамиано открыл бизнес по доставке угля и льда. Кас почти ничего не помнил о своей матери, которая умерла, когда ему исполнилось пять. К тому времени у него уже было три старших брата – Рокко, Джерри и Тони – и один младший, Ник. Казалось, маленький Константино воспринял смерть матери совершенно спокойно. «Мне повезло, – сказал Кас в одном из интервью. – Моя мать умерла, когда мне было пять лет, поэтому мне пришлось с самого раннего

возраста научиться самостоятельно думать и действовать».

По рассказам Каса, имя Константино досталось ему от Констанции, бабки по материнской линии. Однако отец Каса не ладил с ней и поэтому сообщил сыну, что его назвали в честь первого христианского императора Константина¹⁶. Возможно, именно тогда Касу впервые пришло в голову – он особенный. Семейная легенда о том, что по материнской линии они каким-то образом связаны с Наполеоном, только усиливала чувство собственной уникальности. В те времена, на рубеже веков, людям было свойственно искать у себя дворянские корни. Испанец Джонни, один из первых гангстеров Нью-Йорка, всегда утверждал, что он вел свое происхождение от старинной испано-еврейской королевской семьи. Даже Джеки Онассис приплетала Наполеона к своей родословной.

Когда Касу было шесть лет, его семья переехала в район Фрог-Холлоу в Бронксе. Этот опасный район печально прославился как кузница самых отчаянных гангстеров, в числе которых был Голландец Шульц¹⁷. Хотя Дамиано не говорил по-английски, он стал лидером общины итальянских иммигрантов. К нему постоянно приходили со своими проблемами местные бизнесмены. Отец Каса отличался честностью

¹⁶ Константин I, или Константин Великий (ок. 274–337), – римский император, благодаря которому христианство стало господствующей мировой религией.

¹⁷ Голландец Шульц, настоящее имя Артур Симон Флегенхаймер (1902–1935), – американский гангстер, известный тем, что во время «сухого закона» занимался бутлегерством и организацией подпольных лотерей.

и передал эту добродетель всем своим детям. Также он был очень щедр. Несмотря на то что его семья никогда не могла похвастаться достатком, этот человек всегда делился с соседями, если им приходилось нелегко.

По рассказам Каса, отец был опытным борцом греко-римского стиля и большим поклонником бокса. Кроме того, он обладал прекрасным голосом. После работы Дамиано раскуривал трубку и под мандолину исполнял итальянские народные песни.

Дамиано не делал каких-либо различий между представителями разных рас. Однажды, уже привезя из Италии новую жену, он пригласил на ужин чернокожего друга, шахтера. Мачеха Каса поинтересовалась: «Может, твоему приятелю пойти в ванную помыться?» До этого ей еще не доводилось встречать чернокожих, и она решила, что он просто грязен от угольной пыли. Такое отношение Дамиано к обладателям разного цвета кожи оказало большое влияние на Каса, который никогда не судил о людях по их расе. Так, мой учитель сблизился со своими соседями-евреями. Когда он заболел, те присылали ему куриный бульон. Воздавая добром за добро, Кас по субботам зажигал свечи в честь знакомых ортодоксальных евреев.

Судя по всему, с Дамиано, который придерживался в вопросах дисциплины старой школы, поладить было непросто, и при первой возможности старшие сыновья покинули родительский дом. Снова овдовев, Дамиано не пожелал растить

младших детей в одиночку и отправился на родину, чтобы найти очередную жену, уже третью по счету. Касу к тому времени исполнился двадцать один год, и когда Дамиано ездил в Италию, а это случалось достаточно часто, они с Ником обычно отправлялись жить к родственникам. Однажды Тони, старший брат Каса, обнаружил их спящими под дверью и пригласил остаться у себя. Рождество Кас и Ник праздновали в доме брата, у которого подрастала маленькая дочь. Понутру Тони и его жена проснулись, услышав какой-то шум, – это Кас и Ник забавлялись с игрушками, подаренными их маленькой племяннице.

Всякий раз, когда я рассказывал Касу о своем паршивом детстве, он отвечал мне, что ему тоже пришлось пережить нечто подобное. У них всегда было сложно с деньгами, иногда он воровал яблоки и делился ими с друзьями. «В наши дни учат, что нельзя есть после кого-то, чтобы не подцепить какой-нибудь заразы, – рассказывал он. – Когда я был маленьким, мы с друзьями делились друг с другом яблоками. Сначала кто-то откусит, затем я. Мы постоянно болели». Как-то раз Кас решил испытать себя и не есть пять дней подряд, тем самым доказав, что его нельзя запугать голодной смертью. Он пришел к выводу, что человек может пару недель воздерживаться от пищи, «если не требовать слишком много от своего тела».

Над Касом в детстве тоже издевались. Соседские дети дразнили его, потому что родители наряжали сына словно

«маленького лорда Фаунтлероя»¹⁸. Старший брат Джерри, который был крутым парнем, дал Касу несколько уроков бокса. В один из дней семеро парней принялись жестоко избивать их соседа, Джерри ввязался в драку и семью ударами нокаутировал шестерых. Джерри был кумиром Каса, он первым из братьев присоединился к банде. Кас пошел по его стопам. Он вступил в ту же группировку и постоянно участвовал в уличных драках.

Чтобы дать представление о том, каково было расти во Фрог-Холлоу, Кас как-то рассказал мне одну историю. Ему тогда было двадцать с небольшим. Однажды он сидел возле дома, когда к нему подошел Винсент Колл. Этот гангстер, известный как Бешеный Пес, был связан с Голландцем Шульцем. Он приставил пистолет к голове молодого Д'Амато со словами: «Тебе лучше рассказать, где сейчас такой-то». Однако Кас не растерялся и ответил: «Понятия не имею, где он. Тебе придется убить меня». Бешеный Пес понял, что попал не по адресу, и ретировался. Только после этого Кас почувствовал, как его начинает трясти.

Кас неоднократно рассказывал мне, как он ослеп на один глаз в уличной драке. Но полной ясности в этой истории я так и не получил. Дело в том, что за все эти годы Кас изложил

¹⁸ Маленький лорд Фаунтлерой – герой одноименного романа англо-американской писательницы Фрэнсис Бернетт. Черный бархатный костюм с кружевным воротником, подробно описанный Бернетт, оказал значительное влияние на то, как одевали своих детей представители американского среднего класса конца XIX века.

четыре различные версии случившегося. Вначале он рассказал мне, что потерял глаз, защищая соседского мальчишку, над которым издевался парень с ножом. В 1958 году в интервью спортивному еженедельнику *Sports Illustrated* он озвучил уже другую версию: «Я собирался серьезно заниматься боксом, но подрался на улице, когда мне было всего 12 лет. Я ввязался в драку с одним из тех, кто третирует детей, потому что знает, что не в силах справиться со взрослым. Тот парень сильно повредил мне правый глаз. Я наполовину ослеп, но зато заставил его удирать». Затем он сообщил Гэю Тализу из *New York Times*, что не видит левым глазом после того, как его ударили палкой в уличной стычке. Версия насчет палки впоследствии обросла подробностями: оказывается, после той жестокой потасовки он смотрел на свое отражение в витрине магазина и видел, как глазное яблоко буквально висело на нитке. В другой раз он сообщил, что потерял зрение, пытаясь помешать ребенку мучить котенка.

Однако реальная история, похоже, была гораздо драматичнее. По рассказу одной из племянниц Каса, ее отец на смертном одре признался, что мой учитель потерял зрение, когда Дамиано, наказывая сына ремнем, поскользнулся и, промахнувшись, ударил его по лицу. Кас часто рассказывал мне о том, как отец избивал его:

– Никого так не лупили, как меня, но я получал по заслугам. Все справедливо, потому что я был настоящим чудовищем.

Кас поздно возвращался домой. Еще до того как войти, он старался увернуться, но впустую. Как только дверь открывалась – бац! бац! бац! – Дамиано набрасывался на него и избивал до полусмерти. Иногда отец стегал его кнутом. Но Кас все равно никогда не обещал, что больше не будет так задерживаться. В этом был весь Кас: ты можешь убить меня, но сломать – никогда. Отец не мог сдержать слез, когда наказывал сына. Но однажды тот все же не выдержал и выдохнул: «Наверное, я больше не буду так поступать». Дамиано заплакал, и они обнялись.

– Это полная чушь, когда говорят, что побоями можно сломать дух ребенка, – заметил Кас в одном из интервью. – Я никогда не терял уважения или любви к своему отцу, и все, что, происходило, не поколебало моей решимости.

Интересно, Кас рассказал мне о тех побоях только потому, что знал, как моя мать колотила меня, когда я был маленьким? Тогда дело дошло до того, что я не мог спокойно оставаться в углу любого помещения, потому что меня избивали, загоняя в угол моей комнаты. Нас двоих связывали эти ужасные воспоминания.

– Именно поэтому я тебя прекрасно понимаю, Майк, – говорил мне Кас. – Я отлично знаю, через что тебе пришлось пройти.

Кас никогда не интересовался учебой и бросил старшую школу во втором году обучения. Он также не стремился устроиться на какую-нибудь работу. Дамиано был слишком

занят своим бизнесом, чтобы искать, куда пристроить сына. Кас не хотел лгать отцу, поэтому раз в неделю приходил на местный завод по производству рефрижераторов. Там он торчал в глубине приемной, стараясь затеряться среди соискателей на работу, чтобы его вдруг не привлекли к делу. Заведением управляли религиозные евреи, и однажды один из хозяев подошел к Касу и выказал свое восхищение его настойчивостью в еженедельных попытках трудоустроиться. Он нанял молодого человека и поставил на конвейер. Кас не желал ни на кого работать и был так зол, когда ему все-таки пришлось это делать, что принялся пахать усерднее остальных. Хозяин планировал назначить его помощником мастера. Кас придумал новые методы для повышения производительности труда, что совершенно не устраивало бывших зэков и латиносов-иммигрантов. Им не нравилось, что ими командовал семнадцатилетний парень. Через год, после ожесточенных драк, когда в ход шли и дубье, и ножи, молодой Д'Амато уволился.

Складывалось впечатление, что мой учитель не признавал авторитеты, но так было не всегда. По его собственным рассказам, еще подростком он увлекся католицизмом. Хотя его отец никогда не отличался религиозностью, Кас начал посещать воскресную школу по примеру одного из своих друзей. На занятиях по изучению Библии он считался одним из лучших. Неукоснительно следуя десяти заповедям, Кас всеми силами старался избегать греха. Одно время он даже соби-

рался стать священником. Примерно тогда же у него появились мысли о смерти. Кас наблюдал за похоронами, которые проходили в их районе, и размышлял: «Чем скорее смерть, тем лучше». Если на тот свет отправлялся кто-то из знакомых, то Кас считал, что этому человеку повезло, потому что теперь он был счастлив в вечной жизни. По его рассказам, ему нравилось бродить по кладбищу и вчитываться в имена на надгробиях.

Затем кто-то дал ему книгу, которая кардинально изменила его мироощущение. Это был трактат Томаса Пейна «Век разума». Автор ненавидел организованную религию и ставил под сомнение легитимность Библии. Эта книга попала в «Индекс запрещенных книг» Римско-католической церкви, то есть ее чтение считалось грехом. Так Кас, по его собственному выражению, перестал быть католиком.

Теперь Кас уже не мог стать священником, однако с этого момента он вступил на особый путь служения. Мой наставник всегда говорил, что учился на примере отца, и я думаю, он на всю жизнь был впечатлен самоотверженностью старшего Д'Амато. Кас начал помогать соседям, став тем, к кому всегда можно обратиться в случае проблем. Он занимался переводами и починкой разных вещей, заступался перед хозяевами за тех, кто не мог оплатить аренду. Будучи юным парнем, Кас консультировал взрослых, если у них что-то не ладилось с детьми. Разумеется, он отказывался от какой-либо платы за свои услуги, иначе, по его мнению, это уже не

могло называться добрым делом.

Кас приходил в бешенство, когда видел, как богатые грабят бедных. Однажды он узнал, что тестя его друга Анджело Тосто облапошили липовые земельные застройщики в районе Дир-Парка на Лонг-Айленде. Мошенники выбирали своими жертвами недавних иммигрантов из Словакии и обманом лишали их сбережений, продавая землю, на которую не имели прав собственности. Кас был в ярости. Он потратил несколько лет, выслеживая аферистов. Наконец, в одну их пятниц он пришел в офис адвоката компании и, выдав себя за зятя пострадавшего, предупредил, что, если его семья не получит чек на полный возврат денег, он отправится прямо в офис окружного прокурора, чтобы заявить о мошенничестве. В понедельник утром пришел чек на полную сумму. Но это еще больше разозлило Каса. Теперь не оставалось сомнений в том, что деятельность учреждения была незаконной. Он отправился в Риверхед, где хранились записи о сделках с земельными участками на Лонг-Айленде, покопался там и получил доказательства махинаций. К концу декабря 1937 года были предъявлены обвинения 39 частным лицам и 12 корпорациям, а 7 июля 1938 года основные организаторы этой аферы были арестованы и приговорены к тюремному заключению сроком от трех до шести лет за мошенничество на сумму более двух миллионов долларов. Эти деньги были обманным путем получены у 1800 словаков. Анджело, надо полагать, был безумно благодарен Касу за помощь. Спустя

20 лет старый приятель работал у Каса личным шофером и возил его по городу.

Кас всегда был творческим парнем. Однако он давал странное объяснение этой своей черте. В одном из интервью прозвучали следующие слова:

– Я словно никогда не был ребенком. Взрослая жизнь не очень многому меня научила, потому что практически все я узнал еще в молодости. Как мне удалось стать таким мудрым? Не знаю. Раньше я полагал, что все такие. Позже выяснилось, что это не так. Обычно я об этом не распространяюсь. Какой смысл говорить о том, чего люди все равно не понимают?

Кас всегда что-то придумывал, но никогда не утруждал себя попытками заработать на своих творениях. В числе его разработок – игрушечный самолет, который был оснащен петардой, помещенной в тяжелую металлическую капсулу в носовой части. Когда самолет ударялся носом о землю, петарда срабатывала, и аппарат вновь взмывал в воздух, а затем снижался, совершая воздушные петли и эффектно пикируя. Но главным изобретением Каса была гигиеническая наклад-ка для сиденья унитаза, которую можно было использовать в общественных туалетах. Он даже запатентовал ее, когда ему было тридцать. В своей заявке он отметил: «При любом из двух способов изготовления изделия первостепенное значение имеет минимум отходов производства. Безусловно, экономия не должна негативно отразиться на эффективности

использования изделия, которая в значительной степени зависит от сливного элемента. Последний должен быть достаточно длинным и широким, чтобы обеспечить бесперебойный смыв, пока сиденье не будет полностью поднято и изделие не отправится в чашу унитаза». В данном случае Кас не пытался заработать на изобретении по той простой причине, что за 16 лет до этого одна дама из Луизианы подала собственный патент на гигиенический чехол для сиденья унитаза.

Изобретательность и смекалка Каса выручили семью во время Великой депрессии. Касу было 22 года, когда грянул экономический кризис. Он рассказывал, как читал в газетах о стариках, которые умирали от голода, потому что гордость не позволяла им просить о помощи. Думаю, дело было не в гордости, скорее Кас приписывал людям собственное мироощущение. Ему хотелось думать о ближнем именно таким образом. Он был родом из древних времен и жил, словно благородный рыцарь, проецируя свои чувства на окружающих. Это был поразительно высоконравственный человек.

Голодные бунты в Нижнем Манхэттене произвели на него неизгладимое впечатление. В те годы порой до 20 тысяч человек стекались на Юнион-сквер и устраивали там беспорядки, потому что им нечего было есть. Не забывайте, что тогда не существовало ни пособий по безработице, ни государственных пенсий, ни социального обеспечения. Некоторым удавалось выживать только благодаря бесплатным кон-

сервам. Однажды Кас увидел какого-то парня в куртке лесоруба, который произносил речь с борта грузовика. Позже он узнал, что тот был членом Коммунистической партии. Человек продолжал говорить, когда вдруг появились конные полицейские и отметили его. Каса поразило то, что, как только оратора начали безжалостно дубасить, в грузовик запрыгнул другой парень, хотя было очевидно – через считанные минуты он будет так же избит до полусмерти. Кас был восхищен их мужеством и самоотверженностью. Он гордился этими парнями, которые поднимали людей на борьбу и убеждали их организованно добиваться от властей удовлетворения своих требований. Дамиано постоянно предупреждал сына, чтобы тот держался подальше от протестующих, ведь они могли навлечь на него неприятности. Но я уверен, что это только подогревало интерес Каса.

Единственное, чему Кас был предан без остатка, так это помешательство на своих итальянских корнях. В этом вопросе он был настоящим фанатиком и порой доходил до крайностей. Беатрис, жена его брата Тони, была ирландкой. Однажды Бетти, их дочь, сразу после родов двойняшек экстренно попала в больницу. Кас позвонил, чтобы узнать, как у нее дела, и медсестра сообщила, что Бетти не может подойти к телефону, потому что ей делают переливание крови. Кас примчался в больницу и ворвался в палату.

– Я должен немедленно убедиться в том, что ирландские родственники твоей матери не приблизятся к тебе, – заявил

он. — Не хочу, чтобы твоя кровь еще больше разбавлялась.

Кас считал, что итальянцы — это ниггеры нашего мира. Когда я только появился в Кэтскилле, он не переставая сокрушался по поводу казни итальянских анархистов Сакко и Ванцетти. С ними действительно поступили крайне паршиво, ложно обвинив в вооруженном ограблении, осудив за убийство первой степени и поджарив на электрическом стуле в августе 1927 года. Лишь в 1977 году губернатор штата Массачусетс Майкл Дукакис объявил, что Сакко и Ванцетти были несправедливо осуждены, а «их имена должны быть окончательно очищены от позора». Кас все ходил по дому и ворчал на эту тему.

Бокс стал своего рода отдушиной, деятельностью, обещавшей хоть какой-то успех итальянцам и евреям, которые во времена молодости Каса были выброшены на обочину жизни. Кас происходил из боксерской семьи. Его братья, кузены — все они увлекались этим видом борьбы. Оба его старших брата, Тони и Джерри, были боксерами. Они садились на поезд и разъезжали по стране, чтобы драться на улицах, зарабатывая на доходах от ставок. Много раз, когда Кас попадал в неприятности на улицах Бронкса, именно Джерри или Тони, самые отвязные и сильные из братьев, выручали его. Тони вообще был настолько крут, что мог сидеть на крыльце их дома со спицами в руках и демонстративно вязать. При этом он был готов бросить вызов любому, кто проходил мимо, и разделать его под орех.

В конечном итоге у Джерри появился менеджер, Боб Мельник, и Кас стал таскать сумку брата в спортзал. В то время для любого мальчишки боксеры были героями. В каждой парикмахерской лежал журнал *Police Gazette*, в котором целый раздел был посвящен боксу. В каждом районе был свой местный герой из числа боксеров, и когда он выходил из дома, дети следовали за ним, словно за Гамельнским крысоловом¹⁹.

Кас был очарован атмосферой боксерского зала. Он рассказал историю своей встречи с Джеком Демпси²⁰. Когда после этого события молодой Д'Амато вернулся в свой район, его друзья выстроились в очередь, чтобы «прикоснуться к руке, которая жала руку Джека». Скорее всего, это было очередным преувеличением. По словам Бетти, племянницы Каса, ее отец познакомился с Демпси в боксерском клубе в шестнадцатилетнем возрасте. Демпси попросил Тони стать его спарринг-партнером, но когда тот увидел, как свирепо Костолом из Манассы избивает своих соперников, он уклонился от предложения. Тем не менее ему удалось пожать руку знаменитого боксера. Придя домой, он заявил: «Я не буду

¹⁹ Гамельнский крысолов – персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно преданию, магистрат Гамельна отказался выплатить музыканту награду за избавление города от крыс. Обманутый крысолов с помощью колдовской музыки увлек за собой всех детей.

²⁰ Джек Демпси (1895–1983) – американский профессиональный боксер, киноактер, чемпион мира в супертяжелом весе, известный также под прозвищем Костолом из Манассы.

мыть рук, потому что я прикоснулся к Джеку Демпси».

В одном из интервью Кас сказал, что это Джерри, а не Томас Пейн заставил его отказаться от идеи стать священником. Джерри действительно взял младшего брата под свою опеку и научил защищать себя. Когда Касу было шестнадцать, в семье произошла трагедия, которая потрясла всех: Джерри погиб от пули ирландского полицейского.

Кас не любил на людях обсуждать это убийство. Мне он поведал, что Джерри был любимцем в семье и его смерть «разбила отцу сердце». Кас оказался рядом, когда Дамиано узнал о смерти сына. По словам моего наставника, он никогда не забудет пронзительный вопль отца. Своему близкому другу, который писал его биографию, Кас рассказал, что Джерри присутствовал на каком-то мероприятии. Полицейский, который на тот момент не был при исполнении, начал приставать к жене Джерри. Завязалась драка, в ходе которой они разбили витрину. Вместо того чтобы «понести справедливое наказание», полицейский застрелил Джерри. Вообще, описание драки выглядит сомнительным. В официальном полицейском отчете была изложена другая версия:

«Джеральд Де Матто, белый, женат, итальянец, по профессии бармен. Был арестован патрульным Джорджем Деннерлейном по обвинению в нападении с целью грабежа... при аресте оказал сопротивление, несколько раз ударил патрульного кулаком, вырвал у него дубинку и угрожал ею». После этого Деннерлейн выстрелил в Джерри, и спустя шесть

дней, в 7 часов вечера 21 октября 1924 года, тот скончался в больнице Линкольна. Далее в отчете утверждалось, что Джерри шел на юг по Форест-авеню, находясь «в состоянии алкогольного опьянения, и задел офицера плечом. Пройдя еще около пяти футов, Де Матто заметил, что офицер смотрит на него, вернулся и спросил: «Какие проблемы?» Офицер ответил, что лучше всего будет, если он пойдет домой и проспится, на что Де Матто заявил: «Ну уж нет! Давай, вмажь мне дубинкой!» Офицер повторил, что ему стоит отправиться домой, после чего Де Матто схватил Деннерлейна за руку и пригрозил: «Сейчас я сшибу тебя на землю!» Офицер арестовал его и повел в полицейский участок. Перед домом 726 Е по 161-й улице Де Матто ударил офицера кулаком и сбил с ног, а затем бросился на него и, обхватив одной рукой за шею, другой нанес несколько ударов по лицу и голове. После этого Де Матто вырвал у офицера дубинку и попытался нанести еще один удар. Офицер, понимая, что его жизнь находится в опасности, выхватил табельное оружие и произвел выстрел в левый пах Де Матто».

В ту ночь, когда в Джерри стреляли, Тони собрал друзей, и они, вооружившись битами, направились к полицейскому участку, чтобы отомстить. К счастью, Дамиано опередил толпу и смог успокоить парней. После смерти Джерри Кас встречался с местными приходскими священниками, чтобы потребовать у них ответа на вопрос, почему его брат был убит «коррумпированным» полицейским. Священники,

однако, посоветовали ему «не терять веру и прекратить расспросы». Именно тогда Кас окончательно решил, что путь священнослужителя не для него и он должен «тренироваться, чтобы стать бойцом, и учить этому других».

Кас никогда не забывал об этом деле. Патрульный Деннерлейн был переведен на Стейтен-Айленд, но история на этом не закончилась. Через несколько лет, когда у него появились деньги, Кас нанял частных детективов для расследования того случая. Он даже сказал мне, что знает, где сейчас живет тот самый коп, и я перепугался. Но мой наставник никогда не пытался отомстить. Меня это всегда удивляло. Потребовалось приступить к написанию этой книги, чтобы, наконец, узнать всю правду. Бетти, дочь Тони, рассказала, что полицейский не участвовал в патрулировании, он был свободен от дежурства в тот день, и они с Джерри вместе были в баре, когда произошла ссора. Драка случилась из-за жены Джерри, у которой был роман с этим копом. Возможно, именно это имел в виду Кас, загадочно заявив, что полицейский должен был «понести справедливое наказание».

* * *

Кас верил в судьбу. Еще будучи мальчишкой, он чувствовал, что когда-нибудь станет знаменитым. Его никогда не покидало ощущение, что «он не похож на остальных». У меня было точно такое же чувство. Поэтому мне казалось со-

вершенно правильным переехать к Касу и Камилле. Учитель был просто счастлив. Я никак не мог понять, почему этот белый человек так радуется мне. Он смотрел на меня и просто истерически смеялся. Затем он звонил по телефону и говорил своим друзьям:

– Если можно так выразиться, меня дважды поразила молния. У меня есть новый чемпион мира в тяжелом весе. И ему всего тринадцать.

В один из первых вечеров, когда я остался в доме у Каса, тот отвел меня в гостиную, где мы могли спокойно поговорить наедине, и сказал:

– Знаешь, я ведь ждал тебя. Я думал о тебе с 1969 года. Если ты достаточно долго и настойчиво размышляешь о чем-то, то в голове появляется некая картинка. На этой картинке был новый чемпион, которого я создам. Я нарисовал тебя в своем воображении, и вот наконец-то ты здесь.

Глава 3

Моя жизнь переменилась 20 июня 1980 года. Если быть точным, это случилось неделю спустя. К тому времени я уже несколько месяцев ездил к Касу и выслушивал его предсказания относительно богатства и славы, ожидавших меня. Но до конца этими идеями я не успел проникнуться. У меня не было четкого представления, как стать тем парнем, о котором толковал Кас. Однако как раз тогда мы в Трайоне посмотрели в повторе первый бой между Шугаром Рэем Леонардом и Роберто Дюраном. И у меня в голове вдруг что-то перещелкнуло. Я наконец-то понял, что такое бокс. Оба этих парня действовали крайне агрессивно и в то же время не давали попасть по себе. Они дрались изо всех сил. Это было захватывающее зрелище.

Зрители неистово аплодировали, они просто сходили с ума от этих боксеров. Я был в полном экстазе. Захотелось, чтобы и мне рукоплескали так же. Я почувствовал бешеный прилив энергии. Оказалось, всю свою жизнь я шел к тому, чтобы проявить себя на ринге. В голове крутилась мысль: «Этому стоит посвятить всю свою жизнь. Если я этого не сделаю, то лучше сдохнуть».

Предполагалось, что меня выпустят из Трайона только в октябре. Однако Кас переговорил с миссис Коулман, моим социальным работником, и они решили, что, раз мне уже

исполнилось четырнадцать, то будет лучше, если я начну учиться вместе с остальными с сентября. Кас безумно понравился миссис Коулман. Он был одним из тех белых, которые умели разговаривать с цветными. Я должен был пойти в седьмой класс, но меня перевели сразу в восьмой, потому что я был чертовски крупным и выглядел устрашающе.

Поначалу мне было трудно приспособиться. Парень, который принадлежал к отбросам общества и сидел в колонии для несовершеннолетних, вдруг очутился среди детей среднего класса, в районе для белых. Я старался справиться со своим новым положением, хотя порой и был немного грубоват. Ты заявился из ада – и вдруг оказываешься в раю, хотя и продолжаешь ощущать себя дьяволом. Можете поверить, что я в четырнадцать лет ни разу не видел живых роз, только по телевизору? Мне казалось, розы бывают только у богатых. Впервые попав в дом Каса, я поинтересовался у Камиллы, можно ли мне прихватить с собой несколько цветков. Я срезал их и принес в спецшколу. Что за нищим черным ублюдком я был! Мне и в голову не могло прийти, что розы продаются по два доллара за штуку. Увидев эти цветы, я решил, что нахожусь в Форт-Ноксе²¹. Сразу после переезда к Касу я стащил деньги из бумажника Тедди Атласа. Это произошло на каком-то рефлексном уровне. Тедди пришел к Касу и сказал:

– Это он украл. Пока он здесь не появился, у нас ничего

²¹ Форт-Нокс – хранилище золотого запаса США.

не пропадало.

Кас ответил:

– Нет, это не он.

Вообще-то, я собирался грабануть и Каса. Но когда я поселился у него и осознал, какую миссию он мне прочит, я смог избавиться от этой грязи.

В новой школе я чувствовал себя довольно неловко. Мне не хотелось ходить туда прежде всего потому, что я был намного крупнее своих одноклассников. К тому времени я весил уже 210 фунтов²². Впервые увидев меня, одноклассники решили, что я учитель. Я чувствовал себя просто дерьмово. Школа не относилась к числу тех мест, где мне хотелось оказаться. Я никогда не являлся частью этой системы. Меня интересовало только одно – стать боксером. Чернокожие дети в школе были мне незнакомы. Они составляли где-то около 20 процентов учащихся, и именно они в первую очередь отвергали меня, потому что теперь я был из белой семьи. Одноклассники прозвали меня Могучим Джо Янгом²³ из-за моего роста. В спортзале я познакомился с парой ребят, но завести новых друзей мне было нелегко – виной всему была моя застенчивость. Я подружился с другими изгоями – любителями травки. Мы тусовались по их хатам и курили. Потом я прознал, что Фрэнки, мой сосед по комнате, тоже по-

²² Более 95 кг.

²³ Могучий Джо Янг – гигантская горилла, персонаж одноименного американского фильма.

куривает травку, и мы стали делать это вместе.

Главная причина, по которой я ненавидел школу, заключалась в том, что она отвлекала меня от занятий в спортзале. Я просыпался около четырех утра и отправлялся на пробежку. Вернувшись в свою комнату, я делал около пятисот приседаний и отжиманий. После этого, вернувшись на улицу, я мог совершить еще с десяток спринтерских забегов, вперед – назад, вперед – назад. И все это происходило до начала уроков.

Когда Бобби Стюарт впервые пришел на спарринг со мной после моего переезда к Касу, тот предупредил его:

– Не валяй дурака с Майком. Поверь на слово, он существенно повысил свой уровень.

Уже позже мне стало известно, что Бобби тренировался дважды в день, чтобы не отставать. Мы начали спарринг, и он был гораздо лучше меня. Я жутко расстроился и не мог удержаться от слез:

– Мне так хотелось продемонстрировать свои достижения!

Я был слишком требователен к себе и изо всех сил стремился к совершенству. Если дело шло не по плану, я считал, что всему конец. Словно выдергивали вилку из розетки. Так уж были устроены мои мозги. Я отчаянно стремился к успеху. К тому же мой успех много значил для Каса. Впервые в моей жизни кто-то сказал, что лучше меня никого нет.

Кас был так же одержим боксом, как и я. Он не мог думать

ни о чем другом. Мой наставник никогда не бывал в кино, не смотрел развлекательных телепередач, не знал знаменитых артистов. Все его разговоры были только о боксе. И я с удовольствием засыпал его вопросами обо всех боксерах, которые упоминались в «Энциклопедии бокса». Когда я поселился у него, Кас рассказал мне о том, как он попал в бокс.

В 1936 году, когда ему было двадцать шесть, Кас открыл спортзал Gramercy на 14-й улице в Манхэттене. Он хотел увековечить память Джерри. Кроме того, его мечтой было подготовить чемпиона мира. Одним из кумиров Каса был Макс Розенблюм, известный также как Слэпси Макси²⁴, – в то время чемпион мира в полутяжелом весе. Кас наблюдал, как Макси разъезжал по городу в «Роллс-Ройсе» с личным шофером и все относились к нему как к королю.

– Когда ты станешь чемпионом, у тебя тоже будет «Роллс-Ройс» с личным шофером, – пообещал Кас. Моя жизнь совершенно неожиданно для меня оказалась распланирована по образцу еврейского парня Макси.

Кас нашел большую мансарду на 14-й улице и стал сообщать, как ему исхитриться платить за аренду 40 долларов в месяц. За несколько лет до этого он помог одному из своих друзей, рассказав о планах строительства в Бронксе крупной автомагистрали «Бульвар Брукнера». Понимая, что там

²⁴ Макс Эверетт Розенблюм, или Слэпси Макси (1907–1976), – чемпион мира по боксу среди профессионалов в полутяжелом весе 1930–1934 годов, киноактер.

вскоре появится плотный трафик, он посоветовал другу открыть на этом участке четыре автозаправки. Приятель заработал на этом кучу денег и теперь с радостью согласился вносить за Каса ежемесячную плату. В городе работало с десятков спортзалов, но Кас чувствовал, что понимает в боксе гораздо больше, чем любой другой тренер, поэтому был уверен в успехе предприятия.

Кас получил от бывшего боксера подержанный ринг, а братья помогли ему оборудовать остальную часть спортзала. Но грянула Великая депрессия, и поначалу желающих тренироваться не нашлось. В один прекрасный день к Касу пришел комитет матерей, которые стали умолять спасти их детишек от дурного влияния улицы. Нижний Манхэттен в то время был опасным районом, а Полицейской атлетической лиги еще не существовало. Не наблюдалось и каких-либо других факторов, способных оказать хоть какое-то положительное влияние на этих ребят. У женщин не было денег, чтобы заплатить Касу, но для него это не имело значения. Фактически в течение следующих тридцати лет он не брал ни цента за спарринг в своем спортзале. Одна из причин, по которой Кас выбрал именно это место – помимо дешевой аренды, – заключалась в том, что, по его убеждению, лучшие боксеры всегда были родом из опасных районов. У Каса было одно правило: он соглашался стать твоим менеджером, если ты упорно работал и был готов выбиться в профессионалы.

Чтобы попасть в спортзал, нужно было преодолеть три

пролета по шаткой лестнице. Встав у ее подножия, можно было проследить весь путь до последнего этажа. Это походило на восхождение в небеса. Поднявшись наверх, посетитель обнаруживал в двери здоровенную дыру, залатанную металлической сеткой, и огромного сторожевого пса, который бросался на нее с яростным лаем. Кас утверждал, что мог многое узнать о характере ребенка, поднявшегося по лестнице. Он даже назвал этот путь «испытанием». Если малчишка приходил один, не пугался собаки, толкал дверь и заявлял, что хочет стать боксером, Кас понимал – с ним стоит работать. Но если подростка кто-то приводил за руку, это была совсем другая история. Кас утверждал:

– Если их сопровождали, было ясно – толка от моей работы не будет. У этих парней не было ни дисциплины, ни достаточно сильного желания, чтобы прийти самим, открыть дверь и сказать: «Хочу заниматься боксом».

Мне не довелось проходить через какие-либо испытания. Я пришел к Касу, зная, что для меня это возможность изменить свою жизнь к лучшему. У меня и в мыслях не было, что со мной произойдет нечто подобное.

С самого начала Кас не собирался ограничиваться ролью тренера. Он стремился стать еще и менеджером. В одном из интервью он отметил:

– Чтобы быть настоящим менеджером, нужно знать про бокс все. Необходимо хорошо понимать эмоциональный аспект этого вида спорта, разбираться в рекламе, организаци-

онных моментах, боксерах, методах их подготовки. И прочность всей этой цепочки зависит от того, насколько устойчиво ее самое слабое звено. Менеджер обязан полностью контролировать ситуацию. Даже не делая этого лично, он должен уметь направлять нужные процессы.

Важной частью работы менеджера Кас считал подбор подходящего соперника для поединка. Он был невероятно осторожен в этом вопросе и всегда старался найти для своих боксеров тех, кого они могли бы победить. Кас считал, что поражение в самом начале спортивной карьеры может оказать разрушительное воздействие на психику бойца.

– Я занимаюсь своим делом вовсе не для того, чтобы моих парней гребали, – заявил он в интервью газете *New York Times*.

Между тем выбирать противников не всегда было легко. Однажды Кас, обманувшись в своих расчетах, согласился на бой с одним малым с Лонг-Айленда, о котором раньше ничего не слышал.

– Почти сразу же после гонга я понял, что мой парень дерется отнюдь не с новичком. Его просто избивали, десяток раз сбивали с ног, и я не переставая кричал рефери: «Останови бой! Останови бой!», не желая, чтобы у моего подопечного был навсегда подорван бойцовский дух. Когда все закончилось, я зашел в раздевалку, и мой парнишка, подняв голову, произнес: «Кас, прости, что подвел тебя». «Не ты подвел меня. Это мои требования к тебе были слишком вы-

соки», – ответил я. Затем я пошел забрать деньги и услышал, как зазвонил телефон. Кто-то поднял трубку и сообщил, что это междугородный звонок и на том конце интересуются результатом боя. Вот тогда до меня и дошло, что наш соперник не был любителем с Лонг-Айленда. Его специально привезли из другого места.

Закончив рассказ, Кас в досаде стукнул правым кулаком по левой ладони: «Нечасто мне доводилось совершать подобные ошибки!»

Кас был готов обучать боксу кого угодно. Как-то он даже показал несколько боксерских движений группе танцовщиц, выступавших в шоу. Но еще до этого случая он заработал себе репутацию, тренируя глухонемых боксеров, или «кукол», как их называли в те неpolitкорректные времена. Он считал их отличными бойцами, поскольку они отличались очень острым зрением.

– Способность видеть все – крайне важное качество боксера, а «куклы» намного лучше обычных людей воспринимают происходящее вокруг них и способны молниеносно реагировать на малейшие детали. Они мгновенно отмечают признаки того, что сейчас будет нанесен удар. Поэтому в них очень трудно попасть. Их невозможно застать врасплох, – объяснял Кас.

Для работы с «куклами» Кас выучил язык жестов. Я наблюдал, как он пользуется им. Это смотрелось довольно необычно, потому что он совершал необходимые движения

динамично и быстро, почти яростно. Он словно боксировал. Приобретенное умение читать по губам оказалось очень кстати, потому что к тому времени, когда я попал к Касу, он почти оглох. Учитель часто говорил мне: «Дай-ка мне посмотреть на тебя. Вот сейчас говори». И он запросто понимал меня. Кас признавался, что в перерывах между раундами смотрит в угол противника, и если только другой тренер не стоит спиной, он таким образом выясняет, какие указания тот дает своему боксеру.

Кас был настолько известен своей работой с глухонемыми, что в боксерской среде его прозвали Дамми²⁵ Д'Амато. Однако ему в то время так и не удалось оставить заметный след в бизнесе, а в 1942 году, после шести лет работы в спортзале Gramercy, его призвали в армию. Еще до поступления на службу он стал приучать себя к строгой дисциплине. В одном из интервью Кас заявил: «Я пошел в армию, готовый умереть». При этом, сдается мне, он все же был уверен, что из-за поврежденного глаза ему не доведется оказаться на поле боя. Тем не менее он принялся подвергать свое тело чертовски суровым испытаниям, чтобы быть готовым к любой неожиданности. Начал он с того, что стал спать на полу спортзала. Половину ночи, правда, он проводил на раскладушке в офисе, так что это не было таким уж тяжелым лишением. Затем он придумал заводить будильник на непредсказуемое время ночью, чтобы приучить себя просыпаться, оставаясь бодрым

²⁵ Dummy (англ.) – кукла.

независимо от часа. В другой раз он в мороз вышел на улицу без пальто.

Очутившись в казарме, Кас продолжил свои практики добровольного самоистязания. Он спал на полу – что было удобно, если устраивали внезапные проверки, – брился, только используя холодную воду. Во время службы в армии к нему привязалась фраза: «Я выполню любую команду!» И он рьяно следовал этому девизу. Кас часами стоял по стойке «смирно» или как сумасшедший упражнялся отдавать честь, пока не достиг в этом совершенства. Как-то его отряд оказался в полевых условиях. Вокруг роились полчища мух, не давая нормально перекусить. Не обращая внимания на очередное насекомое, очутившееся в еде, – на сей раз это был паук, а не муха, – он накрыл его куском хлеба, зажмурился и съел! Именно благодаря Касу я достиг таких вершин. Он учил меня жесткой самодисциплине, готовности отказывать себе в удовольствиях.

Больной глаз в конечном итоге уберег Каса от участия в боевых действиях, и он на три года попал в ряды американской военной полиции. Ему поручили охранять русских дезертиров, которые воевали на стороне немцев и попали в плен. После нескольких дежурств он отказался выполнять поставленную задачу, потому что начал сочувствовать русским, над которыми издевались американские вояки. Поскольку Кас считался образцовым солдатом, ему позволили уклониться от исполнения приказа.

Еще больше Кас был возмущен тем, насколько отвратительно относились к чернокожим американским солдатам — как военнослужащие из южных штатов, так и гражданские лица с Севера. Он тренировал боксерскую команду, состоявшую в основном из чернокожих рядовых. Как-то Д'Амато повел их в ресторан в Трентоне, штат Нью-Джерси. Парням нужно было перекусить перед отъездом в Форт-Дикс, где должны были состояться бои. Кас попросил столик для группы из десяти человек, шестеро из которых были черными. Kassир отвел его в сторону и заявил: «Мы можем обслужить вас, но не их», — указывая на чернокожих боксеров, которые были в форме. Кас психанул и начал кричать, что черные солдаты защищают таких, как кассир, и тому лучше обслужить их. К тому времени уже весь ресторан наблюдал за этой сценой, и боксерам пришлось сдерживать своего наставника. Прежде чем они вывели Каса из зала, тот успел накричать на посетителей, которые продолжали жевать как ни в чем не бывало.

Когда его команда отправилась на Юг для показательных выступлений, там дела обстояли еще хуже. Отели отказывались размещать черных боксеров, и Кас в итоге ночевал вместе с ними в общественном парке. Эти парни никогда не забыли того, что тренер сделал для них. Дискриминация тогда была в порядке вещей. Даже профессиональным чернокожим боксерам, в том числе чемпионам, оказавшимся в городе, где они никого не знали, приходилось порой ночевать

в парке, а следующим вечером идти и отстаивать свой титул.

Больше всего Каса огорчал расизм военнослужащих южных штатов. Он рассказал мне историю о том, как защитил своего соотечественника, сержанта Мэрфи, от кучки неотесанных болванов. Кас получал кое-какие деньги от руководства боксерской команды, и у него было достаточно средств, чтобы иметь постоянный запас сигарет и печенья. Деревенщины приходили и кланчили у него курево и еду, а Кас им не отказывал. Однажды они напились и показали свое истинное лицо, затянув песню времен суда Линча. Кас был в ярости. Еще больше его разозлило то, что эти мужланы загнали пьяного Мэрфи в угол, вознамерившись отмутузить его. Кас собрал своих черных боксеров и спланировал миссию по спасению друга.

– Слышите, что они там распевают? – спросил он. – Мы должны помочь Мэрфи!

Чернокожие солдаты были явно напуганы, но Кас смог уговорить их, и они «спасли» Мэрфи. Кас очень гордился этим случаем и преподносил эту историю в таком свете, словно был генералом, который, сплотив и воодушевив войска, успешно выполнил стратегическую задачу.

По утверждению Каса, армия ему ничего не дала, так как он сам добился самодисциплины и мог ее поддерживать. Как-то, когда я уже жил с ним, мне пришла в голову шальная мысль: может, мне стоит пойти в армию?

– С ума сошел? – закричал он на меня. – Хочешь, чтобы

вояки думали за тебя? Готов беспрекословно исполнять все, что тебе будет велено? Предпочитаешь вернуться в рабство?

Больше подобные идеи не приходили мне в голову.

* * *

Кас считался одним из первых тренеров, кто сосредоточился на психологии боксеров. На разных этапах своей карьеры он утверждал, что бокс на 50, 60 или даже 85 процентов зависит от ментального аспекта. В самом начале карьеры он начал разрабатывать теории поведения, которые можно было бы применить в боксе. Первые знания по этому вопросу он почерпнул у Зигмунда Фрейда.

– Говорят, я штудировал Фрейда. Однако все, что я когда-либо читал из него, это десять глав в книжке – знаете, из таких, в мягкой обложке, – на которую я где-то наткнулся, – сообщил он в интервью журналу *Sports Illustrated*. – Я прочел эти десять глав, а все остальное было делом техники, поэтому книгу я отложил. Фрейд не сообщил мне ничего нового.

Кас всерьез взялся за мою психологическую подготовку, как только я переехал к нему. Первым делом он дал мне книгу Питера Хеллера «В этом углу». Это был отличный сборник интервью с легендарными боксерами всех времен. Кас считал такое чтение крайне важным, потому что все эти бессмертные бойцы на страницах книги признавались в своих страхах. Контролировать эту эмоцию и заставлять работать

на тебя – вот что стало краеугольным камнем философии Каса. Такие исполины, как Джек Демпси, испытывали страх ничуть не меньше меня. Демпси, как и я, был Раком по зодиаку, а люди этого знака весьма эмоциональны. Но очутившись на ринге, этот боксер не проявлял и тени испуга. При этом в глубине души он считал себя трусоватым парнем – в точности как я. На ринге же он становился воплощением свирепости. Это многого стоит!

Генри Армстронг был еще одним парнем, который, как и Джек Демпси, бродяжничал во время Великой депрессии. Он разъезжал по железной дороге и, добравшись до очередного города, организовывал там боксерский поединок, чтобы добыть себе пропитание. Нередко его жестоко избивали. Так эти парни учились драться. Генри Армстронг вставал по утрам и пробегал 15 миль до своей работы. После смены он пробегал то же расстояние обратно до дома, а затем тренировался еще. А знаете, в чем состояла его работа? Он по восемь часов в день загонял в рельсы костыли для их крепления к шпалам. Вот это настоящий мужик! Он был единственным боксером, кто одновременно удерживал три мировых чемпионских титула из двенадцати общепризнанных²⁶. Кас считал Армстронга воплощением решимости и воли, которые просто сокрушали дух его соперников.

Однако лучший пример управления страхом – история

²⁶ В 1938 году Генри Армстронг завоевал чемпионские титулы в полусреднем, легком и полусреднем весе.

Вилли Ричи. Именно благодаря ей я понял, как важно иметь стальные нервы. Ричи был польским боксером в легком весе. В 1912 году он выиграл чемпионский титул. Ему пришлось драться с парнем, который был немного крупнее. Бой проходил крайне жестко, но в конечном итоге была объявлена ничья. Промоутер хлопнул Вилли по спине и сказал: «Эй, малыш, тебе сегодня повезло. Через две недели предстоит матч-реванш». Ричи буквально окаменел. У него не было сомнений в том, что соперник надрал ему задницу и ничья – настоящий дар небес. Он был так напуган, что на следующей тренировке ему потребовался целый час, чтобы завязать свои гребаные ботинки, надеть шорты и добраться до спортзала. На взвешивании он весь взмок от напряжения. Еда вставала у него поперек горла, его мучило. В голове крутилась мысль о том, что во время матча-реванша его просто прикончат. Плюс ко всему на взвешивании перед поединком к нему подошел менеджер соперника и заявил: «В тот раз мы просто цацкались с тобой, но сегодня все закончится быстрым нокаутом». После этих слов Вилли Ричи буквально обливался потом и стонал про себя: «О нет!» Психологически он был просто раздавлен, но никому не показывал своего страха. Он уже был готов отказаться от боя, но собрался с духом и встал на весы. Затем Ричи принялся ждать соперника. Через несколько часов стало ясно, что тот не придет. Таким образом, польский боксер получил все деньги. Из всего случившегося он уяснил, что, несмотря на жуткий испуг, –

а он был в таком ужасе, словно собирался встретиться с самим Сатаной, – противник боялся его еще больше. Прочитав эту историю, я понял, что у меня есть козырь: мне было известно о чувствах соперников, но они-то ведь не знали, что происходит в моей голове. И теперь всякий раз во время боя, несмотря на весь свой страх, я думал: «Он боится меня больше, чем я его». Эта книга дала мне глубокое понимание человеческой психологии.

Кас не только познакомил меня с сочинением Питера Хеллера, но и активно обсуждал со мной психологические аспекты бокса – он называл это «беседами». Мой учитель понимал, что большинство детей, которые захотели стать боксерами, не научились справляться со своими эмоциями. По его мнению, чтобы вырастить бойца, нужно сначала решить его эмоциональные проблемы и сделать это таким образом, чтобы воспитанник больше не стеснялся таких чувств, как страх. Кас называл это отшелушиванием слоев личности. Его идеи совпадали с теорией Вильгельма Райха, ученика Зигмунда Фрейда, который утверждал, что человек пропитан универсальной жизненной силой окружающего мира, «оргонической энергией», и необходимо научиться высвобождать ее. Кас считал важным избавляться от наслоений детских травм, стыда и растерянности.

Прежде всего, Д'Амато был твердо убежден в том, что без желания нельзя ничего достичь. Самыми важными качествами для него являлись мотивация, драйв и энтузиазм – он на-

зывал их «искрой». При подготовке этой книги мы побеседовали с бывшим боксером Карузо, который тренировался у Каса. В 1952 году его наставник произнес следующие слова:

– Ты можешь тренироваться хоть тридцать лет и все равно не станешь настоящим боксером, если у тебя нет искорки. Но если она у тебя есть, я превращу ее в ревущее пламя. Каждый может стать обыкновенным боксером, любой человек. Он может выдержать на ринге шесть раундов, восемь раундов – но никогда не станет чемпионом. Чтобы получить титул, нужно превратиться в особенное существо.

Кас разъяснил Карузо, в чем разница между героем и трусом. То же самое он говорил мне уже в 1980 году:

– Между ними нет никакой разницы. Они испытывают одни и те же чувства. Отличие заключается лишь в том, как они поступают.

Развивая эту идею, Кас подошел к главному вопросу своей философии – как осознать страх и обуздать его. Я слышал от него множество способов, но особо хочу остановиться на том, который он изложил в 1960-х годах в интервью для видео, спродюсированного Джимом Джейкобсом, – впоследствии он станет моим первым менеджером.

– Когда у меня появляется новый воспитанник, первое, что я делаю, – это читаю ему вводную лекцию. Как-нибудь при случае я повторяю сказанное, немного дополнив. Понятно, что в полном объеме парень не запомнит все те вещи, которые услышит, но, полагаю, в определенных обстоятель-

ствах он невольно вспомнит их и не испугается того, с чем столкнется.

Моя лекция звучит примерно так: все люди испытывают страх. Это вполне нормальная, естественная вещь. Если человек ничего не боится, его стоит направить к психиатру, чтобы выяснить, в чем дело. Природа дала нам страх, чтобы выжить. Он наш лучший друг. Без него мы бы расставались с жизнью один за другим или совершали такие глупости, в результате которых все равно погибали бы или становились калеками. Вместе с тем страх нужно контролировать. Я всегда сравниваю его с огнем. Подобно пламени, эта эмоция нуждается в контроле, поскольку неуправляемый страх способен сжечь все вокруг. Не только тебя, но и тех, кто оказался рядом. Если же ты научишься подчинять страх, то заставишь его работать на тебя. Без огня у нас не было бы цивилизации, по крайней мере той, которую мы сейчас признаем (или же не признаем). Научившись контролировать страх, боксер может действовать намного лучше, чем прежде.

Неважно, насколько несимпатичен человек внешне, принимает он регулярно ванну или нет, если он спасает мне жизнь, оказываясь рядом в трудную минуту, я забываю о его уродстве и смотрю на него исключительно как на друга. Точно так же надо относиться и к страху. Страх – твой товарищ, подарок природы, необходимый для нашего существования.

Приведу в качестве примера оленя, который пересекает открытое поле по направлению к лесу. Инстинкт подсказы-

вает ему, что в чаще его подстерегает опасность – нападение пумы. В этот момент надпочечники вбрасывают в его кровь адреналин. Сердце животного начинает биться быстрее, позволяя совершать чудеса ловкости. В первом же прыжке он способен преодолеть 30 или 40 футов²⁷, что вполне достаточно для того, чтобы избежать прямой угрозы. Его спасает качество, данное от природы, – естественное преимущество в скорости.

По моему твердому убеждению, будучи частью цивилизованного мира, мы, человеческие существа, умирняем эти качества, они как бы находятся в спячке. Тем не менее в ситуации, которая интуитивно воспринимается нами как опасная, эти врожденные способности могут проявиться в полной мере. И если только мы не поддаемся панике и поддерживаем дисциплину, нам удастся ими воспользоваться. Они помогают не только выжить в конкретной рискованной ситуации, но и в дальнейшем с успехом преодолевать практически любые проблемы.

– То есть вы объясняете своему боксеру, что чувство страха перед поединком является вполне нормальным, и даже полезным, и он не должен опасаться его? – уточнил Джим Джейкобс.

– И не только это. Перед схваткой я рассказываю, что ему предстоит испытать. Накануне необходимо настроить парня на то, что это просто любительский бой. Надо предупредить,

²⁷ 9 и 12 м соответственно.

что он может не спать всю ночь. Я говорю: «Очнувшись завтра утром, ты не будешь уверен, что сможешь драться, если не спал всю ночь». Единственное утешение, которое я могу предложить, – это уверить в том, что противник прошел через то же самое. Так что, по сути, это будет равный бой. Когда он на завтра встанет в угол ринга и посмотрит на соперника, этот боец покажется ему самым громадным и сильным человеком в мире. Если же его противник попытается расслабиться в своем углу, то он будет выглядеть как чрезвычайно опытный боец, хотя и для него этот поединок является первым. Воображение всегда будет работать на полную катушку, преувеличивая все проблемы. Но если только мой боксер вспомнит то, что я ему говорил, он поймет мои предостережения и советы – и проникнется уверенностью. Столкнувшись с ситуацией, которую я описал задолго до того, как ему пришлось выйти на ринг, он не будет так напуган соперником. Надеюсь, что за считанные мгновения до гонга хотя бы некоторые из моих советов вспомнятся ему, пока он будет бороться со страхом.

И все же Кас смог кое-что вынести для себя за годы службы в армии. Именно тогда в его руки попала книжка в мягкой обложке под названием «Психология для бойца: что ты должен знать о себе и других». Она была опубликована Комитетом экстренной психологической помощи при Национальном исследовательском совете. В этот труд внесли свой вклад такие ведущие американские психологи, как Гордон

Олпорт и Эдвин Боринг из Гарвардского университета. Книга посвящена психологическим проблемам исключительно рядовых военнослужащих, а не офицеров. Авторы рассказывают о практических методах повышения боевого духа и адаптации к суровой армейской жизни.

На страницах книги ведется откровенный разговор о различных аспектах страха. Знакомство с ней позволяет понять, что помогло Касу сформировать свои теории – как о страхе, так и о важности преодоления травматичных детских переживаний: «Приобретенные в ранние годы мыслительные привычки обычно сохраняются в том или ином виде в течение всей жизни. Порой это хорошо, но зачастую все же негативно сказывается на психике взрослого человека. Все зависит от того, какое у него было детство». Девятая глава посвящена идее о том, что формирование привычки может стать прекрасным методом обучения:

«Ни одно действие никогда не станет рефлексивным, если изучать его в теории, без какой-либо практики. Лишь благодаря неустанному повторению взаимодействие с любым механизмом или оружием – например винтовкой – превратится в привычку, дойдя до автоматизма или почти достигнув его». Думаю, именно это утверждение легло в основу настойчиво внедрявшейся Касом идеи о том, что боксерскую практику лучше всего набивать постоянным повторением. Это отражено в одной из инновационных методик Каса под названием «мешок Вилли», к которой я вернусь чуть позже.

В тринадцатой главе «Страх: союзник или предатель?» авторы, обсуждая различные состояния духа, затрагивают тему страха: «Первый бой, первый практический опыт на поле боя, когда на тебя нацелен вражеский пулемет, первый раз, когда самолет противника пикирует, чтобы сбросить свой смертоносный груз на твой окоп. Молодой солдат всегда ожидает это со смешанным чувством страха и нетерпения... Как и у любого человека, в его сознании всегда будет возникать вопрос: что он сделает, когда настанет время? Он не чувствует себя героем. Если молодой боец абсолютно честен с собой, он знает, что ему будет страшно... Тем не менее даже эти ужасные мгновенья перед атакой, когда секунда кажется часом, могут пойти на пользу солдату. Его действия могут стать более эффективными, поскольку страх — это подготовка тела к действию. Сердцебиение учащается, кровь быстрее поступает к рукам, ногам и мозгу, снабжая его кислородом. Легкие делают свое дело, ускоряя дыхание. Повышается давление. Выбрасывается адреналин. Растет уровень сахара в крови, выступающего в качестве топлива для человеческой боевой машины. Тонкие химические изменения в организме, автоматически возникающие благодаря сильным эмоциям, служат для защиты солдата во время боя. И происходит все так, как он никогда бы не смог запланировать заранее. Его кровь сворачивается быстрее. Он на время забывает об усталости, хотя на самом деле может быть смертельно утомлен... Будучи напуганным, боец механиче-

ски выполняет то, чему его научили... Ты действуешь! Ты сражаешься! Наконец-то ты воюешь против врага! Ты больше не подавлен, не испуган, не деморализован. Страх забыт – при условии, что ты хорошо обучен.

Истинная храбрость – это способность действовать так, как ты считаешь нужным перед лицом опасности, действовать вопреки страху, рисковать своей жизнью, чтобы сохранить солдатскую честь... Мужество и страх – это не противоположности. Они могут одновременно существовать в сознании человека. Вооружившись отвагой, солдат не должен беспокоиться о своем страхе. Трус, бегущий с поля боя, – вот кто поддается страху. Только храбрецы могут позволить себе бояться».

Рассуждения Каса о страхе, по существу, спасли жизнь одному человеку. Когда война закончилась, один из его воспитанников заглянул в Gramercy и поведал историю о том, как в Италии ему довелось попасть под сильную бомбежку. Он дрожал в своем окопе, пока не вспомнил слова Каса, зазвучавшие у него в голове: страх станет твоим другом, если ты сможешь контролировать его. Он сразу же успокоился, сделал то, что должен был, – и выжил. После этого случая он решил обязательно найти Каса и поблагодарить.

Лекции Каса никогда не казались абстрактными. Он всегда привносил в них свой собственный жизненный опыт, признаваясь своим ученикам, что тоже порой испытывал сильный страх. Когда ему было около четырнадцати лет, в

Бронксе жил человек, который нападал на прохожих в безлюдных местах. Газеты называли его Человеком-гориллой. Однажды поздно вечером Кас, возвращаясь домой, решил срезать путь через пустырь, где росла высокая, в человеческий рост, трава. Он шел по тропинке, как вдруг увидел перед собой темную фигуру. Она походила на великана, раскинувшего в стороны свои руки и готового напасть. Кас был совершенно уверен, что это Человек-горилла. Первым побуждением было немедленно убратся из этого места к чертовой матери, но затем он взял себя в руки. «Если я сейчас побегу, то больше уже никогда не смогу воспользоваться этой тропинкой», – подумал он. Поэтому он встретил свой страх лицом к лицу и пошел прямо вперед. А «Человек-горилла» оказался всего лишь деревом, у которого обрезали ветви. В темноте его силуэт напоминал гигантскую обезьяну. По словам Каса, это стало очередным доказательством того, что нет ничего опаснее воображения. С тех пор всякий раз, сталкиваясь в своей жизни с каким-либо препятствием, он говорил себе: «Это просто дерево на моем пути».

У Каса был опыт, схожий с тем, что пережил Вилли Ричи, только речь в его случае шла об уличной драке. Какой-то парень приехал из Гарлема в район Каса в Бронксе и начал всем угрожать, называя местных хлюпиками. У него была репутация человека, замешанного в поножовщине. Узнав обо всем этом, Кас пришел в ярость и вызвал чужака на бой. Приятель парня, выступив в качестве переговорщика, предложил

назначить поединок на семь утра следующего дня. Договорились встретиться на территории соседнего завода. Оружием были предложены ножи вместо кулаков. Кас не мог заснуть всю ночь, а утром взял боксерские перчатки для работы с грушей и положил в них нож для колки льда. Получилось импровизированное колющее оружие. Выйдя из дома в условленное время, Кас направился в оговоренное место. В течение трех часов он обливался потом от страха, пока не понял, что парень не явится.

Когда Касу было двадцать, он впервые вышел на ринг. Он отрабатывал удары по грушам, и один из менеджеров, впечатлившись его навыками, поинтересовался, не хочет ли тот побоксировать. Противником Каса стал Бэби Арисменди, мексиканский боксер, который тренировался в том же зале. Арисменди трижды – в семи боях – побеждал Генри Армстронга! «И вот теперь впервые в жизни мне было страшно на ринге, – рассказывал Кас в своем интервью. – Я не мог понять, что со мной происходит. Сердце бешено колотилось. Казалось, виной всему страх, но я не был в этом уверен. Выйти на ринг было все равно что сесть на электрический стул».

Уже в первом раунде Арисменди отдубасил Каса, сломав ему нос и поставив громадный фингал под здоровым глазом. В перерыве он уточнил, готов ли начинающий боксер еще на один раунд. Кас преодолел себя, и бой был продолжен. Когда все закончилось, Бэби подошел к сопернику и похвалил его: «Ты крут, однако!» Так Кас осознал, что научился побеждать

страх. Рассказывая об этом случае, мой наставник пытался доказать, что боксер не должен стыдиться подобных эмоций, они абсолютно нормальны.

Кас говорил, что за все годы, проведенные им в спорте, он встретил лишь двух боксеров, которые никогда не испытывали страха. Первым был глухонемой, которого он тренировал. Этот боец был готов вынести любое, даже самое ужасное избиение. Другим парнем был еврейский боксер по имени Арти Даймонд. В первый раз он обратил на себя внимание, когда, только устроившись уличным продавцом газет, избил взрослого мужика, место которого приглянулось Арти. После службы на флоте Даймонд начал тренироваться под руководством Каса, который понял, что парень был не вполне нормален. Это было видно по одному тому, как тот забирался на ринг во время первого любительского поединка.

– Выхожу на ринг, опускаю верхний канат, чтобы помочь ему пройти, и вдруг слышу рычание, – рассказывал Кас одному из своих учеников. – Какого черта здесь делает собака? Оглядываюсь и вижу, что это Арти с пеной у рта, рыкая, пролезает под нижним канатом.

После гонга этот сумасшедший выскочил из своего угла и жестоко избил противника.

– Арти намеренно пропускал удары, чтобы доказать свое бесстрашие, – продолжил Кас свою историю. – Не то чтобы он был мачо. Просто какой-то буйнопомешанный.

Несмотря на успехи Арти в боях на любительском ринге

– 18 побед, в том числе 15 в результате нокаута, и всего два поражения, – Кас заставил его уйти из бокса в двадцать два года. К тому времени Даймонд уже несколько лет выступал в качестве профессионала, но по-прежнему пропускал слишком много лишних ударов. Несколько недель спустя Арти с приятелями совершил нападение на бронированный фургон в Южном Бронксе. В ходе перестрелки он выстрелил охраннику в голову, и тот остался парализованным на всю жизнь. Даймонду назначили наказание в виде лишения свободы от 7 с половиной до 15 лет и отправили в Синг-Синг²⁸. В первый же день пребывания в тюрьме Арти прогуливался по тюремному двору, покуривая сигару, когда к нему приблизился здоровенный чернокожий зэк и прошипел:

– Эй, иди-ка сюда, красавчик.

Арти не мог поверить, что с ним так разговаривают.

– Белый пацанчик, я к тебе обращаюсь.

– Чем могу помочь? – ответил Арти, прикинувшись тупицей.

Парень притянул Даймонда к себе и процедил, что тот сможет и дальше наслаждаться сигарами и контрабандной закуской, пока будет исполнять роль главной сучки черных ребят. Арти кивнул в знак согласия, обхватил голову зэка, наклонился к нему, словно собираясь шепнуть что-то на ухо, а потом издал душераздирающий вопль и откусил у обидчи-

²⁸ Синг-Синг – тюрьма с максимально строгим режимом, расположенная в городе Оссининг, штат Нью-Йорк.

ка кусок уха. Пока тот убегал, завывая от боли, Арти хладнокровно смотрел на многочисленных зрителей в тюремном дворе, отплевывал куски уха и скалился. Спустя годы он будет сокрушаться:

– Все сидели там и ржали. Я повернулся и плюнул в их сторону. Это единственное, о чем я сожалею в своей жизни. Надо было прожевать ухо и проглотить у них на глазах, чтобы показать, насколько я свиреп и злобен.

Арти месяц отсидел в карцере. Выйдя оттуда, он выяснил, кто был главарями во всех этнических группировках, и начал делать из них отбивные. На каждого у него уходил один день. Через восемь лет Кас смог вытащить Арти из тюрьмы, оформив его тренером по физподготовке Хосе Торреса. Держу пари, что Торрес беспрекословно слушался Даймонда. У Арти было еще несколько ходок. Наконец освободившись, он устроился начальником охраны в испанский ночной клуб. Затем он ввязался в конфликт со своим боссом, получил пулю в сердце и умер. Арти никогда ничего и никого не боялся. «По-другому он просто не мог закончить свои дни», – подытожил Кас.

Помимо того что Кас научился контролировать страх, он получил необычный опыт, когда впервые боксировал с великим мексиканцем Бэби Арисменди. Во втором раунде спарринга у Каса вдруг возникли, как он сам выразился, «картинки в голове». Он словно со стороны увидел, как делает шаг в сторону с одновременным апперкотом в подбородок

Бэби. В середине поединка его тело словно начало существовать само по себе. Он стал невосприимчив к ударам, которые наносил ему Арисменди, будто они попадали по кому-то другому. Создавалось ощущение, словно его разум управлял на ринге чужим телом. По рассказам Каса, у него был еще один внетелесный опыт, подобный этому, когда он, лежа в кровати, вдруг осознал, что находится на потолке и смотрит на себя сверху.

Из этих эпизодов Кас сделал следующий вывод: для боксера ключевой элемент успеха – это способность действовать интуитивно и отвлеченно, отрешиться на ринге от багажа своих эмоций. Дело заключается не только в том, чтобы постоянно быть настороже, подобно глухонемым боксерам, которых не отвлекают никакие звуки. Важнее развить в себе умение предугадывать действия противника. Если за долю секунды до того, как последует удар, ты будешь знать это, то сможешь отреагировать почти автоматически. Ты сделаешь нужное движение – и удар пройдет мимо.

– Благодаря этой постоянной готовности у боксеров развивается ощущение абсолютной уверенности в том, что они выживут и победят. Это не абстрактная вера, а фактическое осознание того, что все будет именно так, – сказал Кас в одном из интервью. – Непостижимым образом они даже способны спланировать это, не говоря ни слова и ничего специально не делая.

Кас был уверен в том, что можно запрограммировать бу-

душий успех. Всегда нужно казаться тем, кем не может стать соперник. Ты должен установить правила игры. Следует психологически надломить противника, сбить его с толку.

Беседуя со мной на эту тему, Кас подчеркивал, что «интуитивное мышление» действует на бессознательном уровне. При таком способе думать никакое эмоциональное вмешательство не искажает общую картину. Человек действует подобно роботу или компьютеру. Как говорится в известном слогане от компании Nike: «Просто сделай это!» Кас обычно выражал эту идею следующим образом: «Тело знает: голове неведомо то, что известно ему». Ты должен сделать то, что требуется, буквально за долю секунды, у тебя нет шанса поразмышлять об этом. Если начнешь раздумывать, получишь удар.

Через несколько лет после того как Кас разработал теорию управления эмоциями и достижения интуитивного состояния, он поговорил о ней с Норманом Мейлером²⁹. Беседа состоялась в доме Мейлера в Стокбридже, и впоследствии Кас пересказал ее содержание биографу писателя:

– Мы обстоятельно и более углубленно, чем раньше, обсудили роль сознания и эмоций в боксе. Я дал следующее определение настоящего профессионала: это человек, который способен быть абсолютно бесстрастным, не позволяет эмоциям мешать делу и остается объективным, несмотря ни

²⁹ Норман Кингсли Мейлер (1923–2007) – американский писатель, журналист, драматург, сценарист и кинорежиссер.

на что. Мне не нравится много говорить на эту тему, потому что люди начинают считать меня полоумным. Но с парнями вроде Нормана в этом отношении проблем не возникало. Во всяком случае, в процессе разговора он вдруг извинился и через некоторое время вернулся с книгой «Дзен в искусстве стрельбы из лука»³⁰. Мейлер поинтересовался, знакома ли она мне, и я ответил, что никогда не слышал о дзен. «Вы уверены? – спросил он. – Дело в том, что, сами того не подозревая, практикуете дзен». Позже, перечитав книгу несколько раз, я понял, что мои жизненные принципы действительно включают в себя такие вещи, как развитие бесстрастного состояния, когда эмоции полностью выключены. Мы поговорили о страхе, потому что, становясь бесстрастным, ты контролируешь его, отделяешь от своего сознания и тела. Будучи предельно сосредоточенным, я получал удары, но никогда их не чувствовал. Находясь на ринге, я словно существовал вне своего тела: мог видеть самого себя, наносящего удары, как если бы наблюдал за кем-то другим. И все это происходит автоматически, интуитивно.

Когда я пришел к Касу, он использовал книгу об учении дзен в качестве составляющей своей программы. Вероятно, полагая, что мне в четырнадцать лет будет не осилить такое самому, он читал ее вслух. Книга повествует о немецком профессоре философии, который в 1920-х годах в тече-

³⁰ «Дзен в искусстве стрельбы из лука» – произведение немецкого философа Ойгена Херригеля (1884–1955).

ние шести лет изучал в Японии один из видов национальной стрельбы из лука. Слушая введение к книге Дайсецу Судзуки, известного японского исследователя и популяризатора дзен-буддизма, я понял, что это не просто наставления по боксу, это уроки жизни.

Одна из важнейших особенностей стрельбы из лука и всех остальных искусств в странах Дальнего Востока (особенно в Японии) состоит в том, что они не служат никаким прикладным целям и не созданы для чисто эстетического наслаждения. Их задача – развить сознание и привести его в соприкосновение с конечной реальностью. Так, стрелять из лука учатся не только для того, чтобы попасть в мишень; меч вынимают из ножен не для того, чтобы поразить противника; танцуют не для того, чтобы совершать ритмичные движения тела; все эти занятия направлены на достижение гармонии между сознанием и бессознательным.

Чтобы стать настоящим мастером стрельбы из лука, одного только владения техникой недостаточно. Технику должно превзойти так, чтобы умение стало «безыскусным искусством», возникающим из бессознательного.

Относительно стрельбы из лука это означает, что стрелок и мишень уже не являются противостоящими друг другу объектами, теперь они единая реальность. Стрелок больше не осознает себя как человека, перед которым стоит задача попадать в находящуюся перед ним мишень. Это состояние осуществляется только в том случае, когда че-

человек освобождается от своего «я» и становится одним целым со своим чисто техническим совершенством... Дзен – это «ежедневное сознание»...

...Человек – мыслящее существо, но вершин он достигает, если не рассчитывает и не размышляет. После многолетних упражнений, направленных на освобождение от своей самости, нужно снова достичь «детскости». Если это удалось, человек и думает, и не думает. Он думает, как дождь, падающий с неба; он думает, как волны, носящиеся по морю; он думает, как звезды, освещающие ночное небо, как листья, которые распускаются под теплым весенним ветром. На самом деле это он сам и дождь, и море, и звезды, и лист.

Если человек достиг этой ступени духовного развития, то он дзен-мастер жизни. Ему не нужны холст, кисти и краски, хотя он художник; не нужны лук, стрела и мишень, чтобы осуществить выстрел. У него есть тело и голова. Это инструменты, которые важны как форма его проявления. Его руки и ноги – кисти, а вселенная – холст, на котором он рисует свою жизнь семьдесят, восемьдесят, девяносто лет. Эта картина называется «История»³¹.

³¹ Цит. по Херригель О. Дзен в искусстве стрельбы из лука. Пер. Заславская Т. Спб., 2005.

Кас использовал различные методы для реализации своих теорий. Однажды один из боксеров-любителей по имени Пол Манджамеле, весьма успешно проявивший себя в бою, решил слегка повалять дурака. Применив клинч по отношению к противнику, он глянул в свой угол, где у ринга сидел Кас, подмигнул тренеру и одними губами произнес: «Я сделал это». После боя он получил от Каса по полной.

– Чтобы ты больше так никогда не поступал! – орал на него Кас. – Ты выходишь на ринг не для того, чтобы заниматься хреню! Ты должен быть полностью сосредоточен! Стоит на секунду отвлечься от того, что ты делаешь, – и тебя тут же срубят!

Это был последний раз, когда Пол осмелился выкинуть что-либо подобное.

Мой сосед по комнате Фрэнки Минчелли перед поединками всегда нервничал. Кас воспользовался одним из наших совместных обедов, чтобы попытаться успокоить его:

– Тебе нужно полностью расслабиться, чтобы четко видеть все происходящее на ринге. Тот, кто беспокоится о том, что его завалят, не может предсказать действий противника. И тогда ему действительно намнут бока. Когда тебя бьют, ты должен оставаться невозмутимым. Профессиональный боксер умеет бить и не получать ударов – и при этом восхищаться

зрителей.

Кас давал мне уроки, как выходить из своего тела. Я сидел и смотрел телевизор, а он предлагал: «Давай попрактикуемся!» После этого садился рядом и говорил: «Выйди за рамки! Сосредоточься! Расслабься, чтобы увидеть себя со стороны. Скажи мне, когда сможешь сделать это».

Для меня было очень важно научиться отделять себя от своих чувств. Это все равно что стать профессиональным лжецом. Если ты не можешь отрешиться на ринге от эмоций, то ты просто щенок. Эмоции будут сильнее тебя. Ты достанешь противника, а он не упадет – и тебе станет страшно. Поэтому учение дзен о бесстрастности помогало мне выжить.

Помимо теорий о контроле над страхом и отказе от эмоций на ринге Кас ратовал за необходимость целенаправленно развивать чувство уверенности в себе. Он продвигал идею аутотренинга, который заключался не только в позитивном мышлении, но и в ежедневном подтверждении этого настроения. Ближе к концу Великой депрессии появилось несколько авторов, писавших об использовании позитивного мышления на пути к жизненному успеху. В 1936 году Дейл Карнеги опубликовал бестселлер «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». Спустя год парень по имени Наполеон Хилл написал книгу о самосовершенствовании под названием «Думай и богатей». В начале 1950-х годов Норман Винсент Пил выпустил толстенный труд «Сила позитивного мышления», ставший христианской версией этой кон-

цепции. Однако Кас был невысокого мнения о произведениях этих парней. Он считал, что любое позитивное мышление должно начинаться в вашем подсознании, как в упражнениях дзен по стрельбе из лука.

Кас раскопал книгу «Самообладание с помощью сознательного самовнушения», которая была опубликована в США в 1922 году французским фармацевтом Эмилем Куэ. Легко понять, почему Касу она понравилась. Куэ был яркой личностью. С 1882 по 1910 год он работал аптекарем, затем вышел на пенсию и открыл клинику, где лечил бесплатно, используя метод оптимистического самовнушения. Будучи фармацевтом, он убедился в том, насколько сильно воздействует на некоторых пациентов эффект плацебо, поэтому полагал, что практика постоянного самовнушения может привести к аналогичным результатам. «Я в жизни никого не лечил, – утверждал Куэ. – Моя цель – показать людям, как они могут исцелить себя собственными силами».

По убеждению Куэ, чтобы победить болезнь, необходимо использовать и направлять воображение человека:

«Вы обладаете невероятно могущественной силой – вашим бессознательным, которое принято называть воображением. Если знать, как его приручить, можно с его помощью воздействовать на материю. Воображение подобно дикому коню, которого попытались запрячь в экипаж. Без уздечки или поводьев скакун помчится куда захочет и может стать причиной вашей гибели. Но запрягите его надлежащим об-

разом, возьмите его твердой рукой – и он пойдет туда, куда вы его направите. То же самое происходит и с вашим бессознательным «я». Вам следует направлять его для вашего же блага».

Звучит очень похоже на внушения Каса, когда он говорил об управлении страхом.

Эмиль Куэ утверждал:

«Вы должны направлять свое воображение, повторяя простое утверждение: «Мне день за днем становится во всех отношениях все лучше и лучше». Эту формулу нужно произносить тихим, размеренным тоном (глаза закрыты, тело находится в положении, которое позволяет расслабить мышечную систему, скажем, находясь в постели или в кресле), монотонным голосом, словно читая молитву. Проговаривать эти слова следует 20 раз, утром и вечером. Вы можете использовать для подсчета бечевку с узелками, наподобие четок. Такая материальная поддержка необходима, так как она обеспечивает механическое воспроизведение, что крайне важно. Произнося эти слова, фиксируемые вашим бессознательным, не надо размышлять ни о чем конкретном, будь то болезнь или какая-то проблема. Нужно оставаться полностью бесстрастным, думая лишь о том, что все происходит к лучшему. Эта формула во всех отношениях дает общий эффект. Ваше желание следует выражать невозмутимо, мягко и без малейшего напряжения, но с абсолютной верой и убежденностью... В этот момент воля вообще не должна прояв-

ляться! В игру может вступить лишь воображение. Это великая движущая сила, бесконечно более активная, чем сила воли, к которой обычно взывает человек. Будьте уверены в себе... Твердо верьте, что с вами все будет хорошо.

Самовнушение – это внедрение определенной мысли нами самими в нас же самих... Самовнушение есть не что иное, как гипноз, и может быть определено как влияние воображения на нравственное и физическое бытие человека. Воля не должна быть задействована в практике самовнушения, потому что она не согласуется с воображением... Суть моего метода заключается в осознании того, что воображение превосходит волю. Если они идут вместе в одном и том же направлении (как в выражении «Я хочу, и я могу»), то они находятся в полном согласии. В противном случае воображение всегда побеждает волю... Внутри нас таится невероятно могущественная сила, которая часто вредит нам, если мы обращаемся с ней бессознательно. Если же мы направляем ее осмысленно и мудро, она дает нам власть над собой и возможность не только спастись от физических и душевных недугов, но и помочь другим, а также жить относительно счастливо при любых обстоятельствах».

Я начал практиковать самовнушение, как только переехал к Касу: «Мне день за днем становится во всех отношениях все лучше и лучше. День за днем, во всех отношениях...» Именно так Кас перевел на английский фразу Эмиля Куэ. Кто-то предпочитает выражение «каждый день» вместо

«день за днем».

Куэ был непреклонен в том, что родители должны с ранних лет обучать своего ребенка этой практике:

«Родителям следует дождаться, пока ребенок не ляжет в постель и не заснет. После этого отец или мать бесшумно заходят к нему в комнату, приближаются к его кровати и шепотом 15 или 20 раз повторяют все то, что ожидают от ребенка. Это могут быть пожелания относительно его здоровья, сна, поведения и т. д. Затем они удаляются так же бесшумно, как и пришли, стараясь не разбудить малыша... Когда ребенок спит, его тело и сознание находятся в покое, однако его бессознательное «я» бодрствует. Таким образом, вы обращаетесь только к последнему, и, будучи очень доверчивым, оно без сопротивления принимает все то, о чем вы говорите. Мало-помалу ребенок становится таким, каким его хотят видеть родители».

Кас действовал именно так! Он приходил ко мне в комнату, когда я только засыпал, и повторял мне формулировки на позитивный настрой.

Всю жизнь Куэ лечил пациентов своими позитивными формулировками. Кас же использовал их, чтобы укрепить уверенность боксеров в себе. Я обычно практиковал эти фразы в течение дня. Мне нравилось позитивно высказываться о самом себе. Кас всегда говорил: «Если ты будешь следовать тем принципам, которым я учу тебя, то, возможно, и не станешь чемпионом, но добьешься успеха в любом

деле».

Он учил меня следующему:

– Возьми парня, у которого в полной мере есть все качества, необходимые для успеха: красивое тело, прекрасная внешность, сексуальная привлекательность. Короче говоря, все просто идеально. Но лиши его уверенности в себе – и ты лишишь его жизни, поскольку он потерпит неудачу. С другой стороны, возьми кого-нибудь, у кого нет ничего, просто абсолютно, но всели в него уверенность – и ты положишь весь мир к его ногам. Уверенность порождает успех, а успех порождает уверенность. Уверенность, которую удалось как следует применить, вполне заменит собой гениальность.

Очевидно, именно поэтому у меня сейчас есть определенные проблемы. Кас заставлял меня думать, что я Бог.

Кас был не первым, кто осознал, насколько важна уверенность в себе для формирования настоящего боксера. У Джека Демпси менеджером был жулик и мошенник Джек Док Кернс. Мошенником его называли неспроста: такой человек, прежде чем раздеть до нитки, внушает своей жертве веру в собственную значимость. Кернс осознал подверженность Демпси чужому влиянию и приложил все силы, чтобы укрепить эту черту его характера. «Если бы Кернс сказал, что я могу одолеть белого медведя, у меня не появилось бы и тени сомнения в этом. Такой властью он обладал надо мной в то время, – рассказывал Демпси. – Знаю, что у меня был талант, но одновременно во мне жила невероятная самона-

деянность. И я приобрел ее в результате общения с Доком Кернсом.

Кас не ограничивался устными формулировками. Он оклеил стены спортзала воодушевляющими высказываниями и поэтическими отрывками. Среди них было и стихотворение «Не уходи» (другое название – «Продолжай»), принадлежащее перу Эдгара Геста, одного из первых писателей США, востребованных в СМИ. Гест вел популярную авторскую колонку «Разговор за завтраком», в которой 3 марта 1921 года опубликовал следующие строки:

Когда все не так, как душа твоя ждет,
И путь утомительный в гору идет,
Когда денег нет, а долги велики,
И радости хочешь, но вздохи горьки,
Тревожно на сердце, и тягость в груди...
Немного расслабься, но не уходи.

Жизнь странная штука, и что тебя ждет?
Какой будет в жизни твоей поворот?
Как много их, тех, кто ушел от борьбы,
Подумав: «Навечно застрял я в пути»,
Но ты не сдавайся, хоть медленен шаг,
И ты победишь, пусть и силен твой враг.

Успех часто ближе, чем кажется тем,
Кто слаб и трусливо не ждет перемен,
Не может он выдержать тягость пути,

А вскоре победу бы мог обрести.
Узнают, но поздно они, наконец,
Как близок к ним был золотой их венец.

Успех ведь изнанка провала, паденья —
Серебряный отблеск на тучах сомненья.
Не можешь сказать ты, победа близка ли,
Но ближе она, чем ты видишь из дали.
Борись, когда видишь, что тьма впереди,
Все, кажется, плохо, но не уходи³².

* * *

Кас постоянно заботился о том, чтобы укрепить мой разум. Он любил вести со мной такие разговоры:

³² *Перевод Бориса Хохрякова.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.